

Евгений
САТАНОВСКИЙ

КОТЁЛ
С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Ближний Восток для «чайников»
Издание расширенное, улучшенное и дополненное

Евгений Сатановский

**Котёл с неприятностями.
Ближний Восток для «чайников»**

«ЭКСМО»

2018

УДК 32(5-012)
ББК 66.2(5)

Сатановский Е. Я.

Котёл с неприятностями. Ближний Восток для «чайников» /
Е. Я. Сатановский — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-090186-9

Что представляет собой Ближний и Средний Восток? Кто управляет регионом: династии и диктаторы? Почему на мусульманском Ближнем Востоке демократия бывает только исламской? Кто и как пытается влиять на регион – и что у кого в итоге получается? О региональных сверхдержавах и имперских амбициях. Кто кого: новый Халифат, новая Оттоманская Порты или новая Персидская империя? Россия без союзников – кто Москве в регионе друг, враг и партнёр? Это не энциклопедия, не справочник и не сборник путевых рассказов. Но в этой книге можно найти сведения о регионе, который является источником основных угроз для всего мира. Ближний и Средний Восток – это нефть и газ, всемирно известные курорты и крупнейшие на планете рынки вооружений и военной техники. Это колыбель современной цивилизации и родина иудаизма, христианства и ислама. Но это и источник терроризма и наркоторговли, опасный для Евросоюза, Соединённых Штатов, Китая, Индии и России – настоящий «котёл с неприятностями». Знать о нём всё невозможно, но понимать, что именно происходит на пространстве от североафриканского побережья Атлантики до границ Индии и от Сомали до российской границы – полезно для выживания. Автор попытался дать читателю эту возможность. И только от самого читателя зависит, воспользуется ли он ею.

УДК 32(5-012)
ББК 66.2(5)

ISBN 978-5-04-090186-9

© Сатановский Е. Я., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие к изданию 2016 года, дополненное летом 2017	7
От автора – с претензией на остроумие	9
Предисловие	13
Отступление первое	19
Введение в проблему:	29
Часть I	37
Глава 1	38
Информация к размышлению	46
Глава 2	48
Информация к размышлению	54
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Евгений Сатановский

Котёл с неприятностями

Ближний Восток для «чайников»

Согласно решениям Верховного Суда РФ организации, перечисленные ниже, признаны террористическими или экстремистскими и их деятельность запрещена в Российской Федерации:

«Аль-Гамаа аль-Исламия» («Исламская группа») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ) – решением ВС РФ от 13 ноября 2008 г. № ГКПИ 08-1956; «Аль-Каида» («База») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Ахрар аш-Шам» («Джунд аш-Шам», «Войско Великой Сирии») – решением ВС РФ от 2 июня 2006 г. № ГКПИ 06-531; «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Джабхат ан-Нусра» («Фронт победы», «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» – «Фронт поддержки Великой Сирии») – решением ВС РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С; «Джамаат-и-Ислами» («Исламская группа») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират») – решением ВС РФ от 8 февраля 2010 г. № ГКПИ 09-1715; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Исламское государство» («Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») – решением ВС РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С; «Лашкар-и-Тайба» – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Союз Исламского джихада» – решением ВС РФ от 2 июня 2006 г. № ГКПИ 06-531; «Талибан» («Движение Талибан») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») – решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116

© Сатановский Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Предисловие к изданию 2016 года, дополненное летом 2017

Задуманная автором книга о Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), России и её контактах с этим регионом, бурлящим, как котёл с ведьминым варевом, более всего должна была напоминать энциклопедический кирпич. По крайней мере во втором издании, которое читатель держит в руках. Расписанное в подробностях оглавление намекало именно на это. Год-полтора напряжённой работы, и можно было бы сдать этот продукт популяризации науки в издательство.

Однако, поскольку задание, полученное автором от редактора, твёрдо гласило: дописать к концу лета, то есть за полтора-два месяца (что естественным образом сорвала операция российских ВКС в Сирии и обострение отношений Москвы и Анкары после того, как Турция сбила российский СУ-24), большая книга о Ближнем Востоке будет расти сама по себе, естественным путём, а настоящее переиздание представит первую книгу, в своё время написанную для «Эксмо», освежённую и дополненную автором. Тоже хлеб. Благо эта книга издательством переиздавалась один раз – в 2016-м, превратившись в раритет.

Время течёт быстро, и половина того, что соответствовало текущей ситуации на БСВ в 2011 году, когда первый вариант «Котла» ушёл в печать, в настоящий момент нерелевантно. Ряд стран, упомянутых в книге, распался, их лидеры были свергнуты, бежали за границу или были убиты самым зверским образом. Террористические группировки, захватив территории, на которых живут миллионы людей, получили доступ к воде и нефти, заработали миллиарды и начали объявлять себя государствами.

«Международное сообщество» при этом, во всём его разнообразии, проявило себя в регионе абсолютно недееспособным по всем направлениям одновременно. Показательным примером стало его бессилие остановить поток нелегальных иммигрантов из Африки и БСВ, захлёстывающий европейское Средиземноморье, исламизация Европы и теракты, организованные исламистами в странах ЕС. При всех бонусах и бенефитах, извлечённых из описанной ситуации Турцией, которая во многом европейцам всё это безобразие и устроила.

Распад «восьмёрки», возвращение её в формат «семёрки» по инициативе США и обострение ситуации на Украине ознаменовали начало новой холодной войны. Возникновение газового альянса России и Китая, усиление БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества обозначили возникновение нового экономического миропорядка, создаваемого без западного мира. Точно так же неожиданное начало действий ВКС России в Сирии в союзе с армией её президента Башара Асада, иранцами и их союзниками из числа шиитских милиций поставило заслон беспрепятственному распространению радикального суннитского исламизма.

Участие в этом процессе Индии, Пакистана, Ирана, постсоветских республик Центральной Азии и Афганистана много значит для БСВ. При этом перспективы «Центрально-азиатской весны», распространение за пределами ближневосточного региона исламистского терроризма, шансы на перерастание «ядерной сделки» Ирана с «мировым сообществом» в региональную гонку ядерных вооружений и глобальный шиито-суннитский конфликт означают возникновение новых угроз, центром которых является БСВ.

Не замечать всего вышеописанного невозможно. Несколько тысяч статей и десятки книг, опубликованных Институтом Ближнего Востока за истекшие с момента выхода в свет «Котла с неприятностями» пять лет, дают возможность дополнить в этой книге всё, что

необходимо дополнить, и пересмотреть всё, что необходимо пересмотреть. Единственное, в чём они помочь не могут, – исправить нрав выдающихся сварливым характером, алчностью, склонностью к интриге, сутяжничеству и наущничеству престарелых членов академического сообщества, история жизни которых включает немало сомнительных страниц.

Автор склонен относиться к этой малой числом, но мерзопакостной по сути генерации учёных и администраторов, среди которых выделяется ушедший по возрасту на пенсию, к счастью для его бывших подчинённых и коллег, директор профильного института, заработавший на своей профессии немалые деньги, от которых науке не досталось ничего, как к неизбежному злу. Есть в этом мире и такое. Ну что поделать. В академической среде свои интриги и свои правила войны против потенциальных конкурентов.

Упомянуть этих персонажей не стоило бы, когда и если бы не появление на специализированном сайте статьи, обрушившейся, к изумлению автора, на название книги, которую читатель держит в руках. Формулировка, которая это обосновывала, была бесхитростной до изумления: оказание негативного влияния на высшее начальство, которое мешает привлечь многомиллиардные инвестиции из арабского мира в российскую экономику. То есть классическая ситуация, при которой плохому танцору мешают определённые части его, танцора, организма.

Но, как говорят на Ближнем Востоке, «собака лает, а караван идёт». Так что книга дописана, дополнена, очищена от устаревшего и выйдет под тем названием, под которым выйдет. Если это кому-то по каким-то причинам встанет поперёк горла, личность эта может завернуться в ветхие академические заслуги, как кобра в капюшон, и уползти доживать отведённое ей время на помойку истории. Либо помереть там от собственного яда. Тоже вариант...

Впрочем, переписывая, освежая, обновляя и дополняя настоящую книгу, про упомянутые чудеса академической части мира человеческого автор думать забыл, ибо встретился с куда большей лихоманкой в лице самого опасного на планете живого существа, каковым, к его удивлению, оказалась не косатка, белая акула или стая голодных волков, а комар. Причём не тропический, из амазонской сельвы, индийских тераев или с опушки африканского дождевого леса, что ещё можно было бы понять, но самый обычный, подмосковный.

То ли лето 2017 года в любимом автором Подмосковье было богато на каких-то особо подлых комаров. То ли накусили они в преддверии президентских выборов следующего, 2018 года, политиков, перенесли затем их яд на всех прочих попавшихся им на дороге жертв. То ли комар-снайпер в плохой для автора день нанёс ему укол на стыке чувствительного лимфоузла и не одобряемой врачами по тонкости её вены, но возникший в итоге абсцесс пришлось вскрывать и заживал он медленней медленного.

Последнее сильно осложнило процесс работы над настоящей книгой, однако добавило автору философского взгляда на жизнь и оптимизма, одновременно сняв с повестки дня светскую жизнь и участие в телепередачах. Поскольку когда болит всерьёз – не до политических новостей. Что там у Трампа с Северной Кореей и, страшно сказать, что происходит с российско-американскими отношениями, мало волнует, если на повестке дня – визит к хирургу. Чему удивляться? И всегда так было. Ну, взяли Рим варвары, в России революция или в Испании теракт...

От автора – с претензией на остроумие

Представленная вниманию читателя книга не имеет ничего общего с тем, как она изначально должна была бы выглядеть. Пытаясь оправдать это, позволим себе предположить в рамках игры, что ни одна книга на свете не имеет ничего общего с тем, как она должна была выглядеть по мнению автора. То есть вообще ни одна. С большой буквы «О».

Не исключено, что изначальная версия «Отверженных» Виктора Гюго могла быть издана в формате покетабука, а «Война и мир» графа Льва Николаевича Толстого была задумана как святочный рассказ. Опять-таки вполне возможно, что Шекспир и Голсуорси писали коротко – это их издатели заставили мэтров раздуть сданные в печать произведения, накачав их информацией, которую, включая имена персонажей, невозможно запомнить ни с первого, ни с двадцать первого, ни со сто двадцать первого раза.

Папа автора всю жизнь пытался прочесть «Сагу о Форсайтах». На пятидесятой странице он засыпал как убитый. Очередная сигарета падала, осыпая пеплом всё вокруг – курил он с семи лет, начав с махорки, а после первого инфаркта перейдя с «Беломора» на лёгкую «Яву». Потом приходилось приниматься за всё с самого начала: он забывал, кто из героев с кем в каких отношениях состоял.

Вполне возможно, что О'Генри в реальной жизни писал длинно и скучно. Это издатели обрезали его тексты до такого состояния, что многотомные романы превратились в короткие юмористические рассказы. Хорошо известно, что Льюис Кэрролл вообще не писал ничего, кроме трактатов по математике (это на самом деле так), из чего со стопроцентной гарантией следует, что «Алиса в Зазеркалье» и «Охота на Снарка» изначально, до попадания в руки редакторов, содержали лишь уравнения и интегралы. Попробуйте найти полную библиографию Кэрролла – сами убедитесь. Британская королева тоже была разочарована.

Так вот, эта книга не имеет ничего общего... ну, впрочем, это уже было. Она задумывалась как серьёзное пособие для серьёзных студентов серьёзного вуза. В ней должно было содержаться пятнадцать глав по пять-десять разделов в каждой. Когда к исходу первого месяца работы автор расписал первую главу до состояния, которое его более или менее удовлетворило, в ней оказалось примерно сто страниц. Ну, может быть, девяносто шесть или девяносто восемь. Что не слишком облегчало дело.

Со скорбью глядя на дело рук своих и пытаясь понять, как уместить полтора десятка глав по сто страниц в книгу, которая, по предварительной договорённости с издательством, должна была укладываться сотни в три, максимум три с небольшим, автор смутно заподозрил, что делает что-то не то. Но, следуя природному инстинкту вроде того, что ведёт почтовых голубей к родному дому, а черепах Индийского океана гонит откладывать яйца на песчаном побережье южнее Маската, продолжил писать вразбивку – раздел отсюда, раздел отсюда.

Заказанный объём был исчерпан, когда, по его подсчётам, была написана примерно четверть того, что имело смысл написать согласно исходным планам. Что ещё важнее, время, которое было отведено на книгу, кончилось. Причём не просто кончилось: ушло не только основное время, но и благородно предоставленные терпеливым редактором полтора месяца сверх срока, которые автор честно заработал тем, что, перед тем как засесть за книгу, с храбростью, граничащей с героизмом, заменил оба глаза.

Точнее – заменены были глазные хрусталики, которые надо было заменить давным-давно, поскольку многолетняя работа с горячим металлом в сортопрокатном цеху завода «Серп и молот» обеспечивала не только пенсией с пятидесяти лет для тех, кто до них доживал, но и гарантированной катарактой. Снизив свои минус двенадцать до приемлемых

минус трёх и получив уверения врачей, что не ослепнет в ближайшее время, автор написал всё, что успел, – пока не упёрся в объём и срок.

Ещё неделя помогла дописать мелочи, отрихтовать шероховатости, перелопатить материал и равномерно распахать его по главам и частям. После чего, в рамках чистовой редакции, десяток глав был превращён в «информации к размышлению» в соответствии с бессмертными «Семнадцатью мгновениями весны» и разбросан между оставшимися в качестве вставок. Не суди писателя, читатель, да не судим будешь...

Книга должна была описать, что объединяет и разделяет Магриб, Машрик, Африканский Рог, Аравийский полуостров и Двуречье. В каких отношениях между собой и с арабским миром находятся бывшие-будущие империи – Иран и Турция, вечный «фронт» Афганистан и ядерный колосс на глиняных ногах – Пакистан. Как сосуществуют с соседями Израиль и Кипр и какую роль играют на Западе ближневосточные диаспоры. Какие планы реализуют основные местные игроки на ближней периферии: Балканах, Закавказье, североафриканском Сахеле и в Центральной Азии, а также на периферии дальней – в Азии Южной и Юго-Восточной.

Однако всё описать не удалось – в том числе в настоящем, расширенном издании. Переpletённая стопка бумаги, покрытой типографской краской, которую читатель держит в руках, – треть изначально задуманного, и написана эта треть преимущественно по ночам и по выходным. Остальное время автор давал интервью журналистам. Отвечал на вопросы, удивляясь общему количеству идиотов на планете и их равномерному распределению по странам мира. Консультировал дипломатов и политиков.

Плюс он вёл колонки в отечественных и зарубежных СМИ, еженедельную полосу в «Военно-промышленном курьере» и много что в других местах. А с октября 2015 года присутствовал по три часа три раза в неделю на «Вестях-FM» в качестве радиоведущего – бывают в мире странные предложения, на которые в качестве эксперимента интересно согласиться. Хотя успешен этот эксперимент или нет, судить не ему. Радионачалство не жаловалось.

Правда, он ничего не вёл в блоге и твиттере, которых не имел, не имеет и надеется никогда не иметь – чай не третий российский президент, некогда. Хотя с интересом и признательностью наблюдал за деятельностью фан-клуба, который за него, его не спросив, завёл от его имени и продолжает пополнять свежими интервью, размещаемыми от его имени, «Фейсбук», «ВКонтакте» и ю-тюб, заблокированный после того, как после парижского теракта осенью 2015 года он, перефразируя Черчилля, в сердцах обозвал президента «ла белле Франс» Франсуа Олланда «овцой в овечьей шкуре». Западная демократия – страшная сила.

Сверх обозначенных «три раза по три часа» еженедельно по утрам в четверг он общался с российскими радиослушателями вместе с Владимиром Соловьёвым и Анной Шафран, а вечером, опять-таки в четверг, портил настроение русско-язычным американским радиослушателям с Михаилом Бузукашвили. И наконец, работал «говорящей головой» для радио и телевидения, если что-то случалось на Ближнем Востоке, где всё время что-нибудь случается.

Кроме того, автор носился по миру в соответствии с поговоркой «для бешеной собаки сорок вёрст – не крюк». Читал лекции студентам. Штудировал новые и перечитывал любимые книги в особо большом количестве. Просматривал журналы и газеты. Прорабатывал аналитические материалы, которые эксперты Института Ближнего Востока готовили с нарастающей скоростью. Писал статьи и следил за новостями. Проводил совещания и участвовал в совещаниях. Следил за происходящим на финансовых рынках и в чёрной металлургии.

В свободное от всего этого время он переругивался с идейными и личными врагами, преимущественно сторонниками «бородатых зайцев» из саудовской и иранской резидентуры, а также идиотами: либерально-оппозиционными, махрово-православными или патристическими, делая это в телеэфире, радиоэфире и живьём, с интересом читая потом, что они пишут об этом в Интернете, где всякая мелкая болонка становится храброй, как тренированный питбуль. А также организовывал конференции и выступал на чужих конференциях, стараясь уложить всё, что хотел сообщить аудитории, в отводимые на каждый приличный доклад десять минут.

Обрати внимание, читатель! Именно десять, поскольку это максимально допустимое время, после которого слушатели начинают засыпать, если только выступающий не поёт, не играет на музыкальных инструментах и не исполняет стриптиз у шеста. Впрочем, двое из трёх засыпают и в последнем случае, если шест изготовлен из нержавеющей стали зеркальной полировки (не «быстроре́за» или 12Х18Н10Т, но тоже приличной), вращается на бесшумных подшипниках и оказывает гипнотический эффект.

Короче говоря, автор был занят – как всегда на протяжении последней полусотни лет, с тех пор как злая судьба и Закон о всеобщем среднем образовании привели его в первый класс 720-й школы. Доведя же себя до изнеможения работой, он общался с друзьями и семьёй – преимущественно по мобильному и скайпу – и пил чай в объёмах, которых с избытком хватило бы на год населению Шанхая. А также гладил по шелковистой шерсти двухкилограммового пекинеса Зулю – официально Гакусей-Зянь-Вэй (мир памяти этой обаятельной домашней зверушки, ушедшей в рай для маленьких собачек весной 2013 года).

Техническое образование, полученное в бывшем лучшем металлургическом вузе планеты, и многолетняя карьера в проектно-институте и на заводе привили автору уважение к цифрам. Цифры надёжны. Дают ощущение точности и фундаментальности. Описывают мир таким, как он есть. Нет ничего поэтичнее цифр для того, кто в них по-настоящему разбирается. Статистика – поэзия востоковеда-практика, как вежливо называют в прессе своих разведчиков и вражеских шпионов. Хлеб дипломата и банкира. Проклятие студента.

Дали бы автору волю, книга включала бы куда больше цифр, чем включает, – если, конечно, они не будут выброшены в процессе редактуры. Цифры не идеальны: информация «протухает» со скоростью, которая заставляет постоянно переиздавать негламурные толстые справочники, которые так идут блондинкам в лёгких, намекающих на наличие интеллекта очках, облегающих стан в розовое, кобальт и нежно-голубое. Благо Интернет позволяет обновлять информацию без уничтожения лесов, позволяя сохранить их для производства по-настоящему важной для этой категории человечества продукции: туалетной бумаги и салфеток в клеточку.

Цифры нравятся не всем. Есть те, кто не воспринимает их вообще. Есть те, кто не откроет книгу, если в ней много статистики. И кому тогда эта книга нужна? Уж точно не издательству, которое не хочет быть банкротом. Так что читатель держит в руках сильно адаптированную версию. Кое-какие разделы в ней ради эксперимента и из лёгкого садизма сохранены в исходном виде и представляют собой «кашу с гвоздями», насыщенную цифровой информацией. Но в конце концов, автор не Михаил Булгаков, не Михаил Веллер и не Михаил Жванецкий – чего ему и самому искренне жаль.

Однако, поскольку читатель тоже человек, книга представляет собой нечто вроде конской колбасы с рябчиком в пропорции один к одному: одна лошадь – один рябчик. В текст вкраплены лирические отступления. Это подлинные истории из жизни автора, каждое слово в которых – правда. Устав от лекторского тона, автор местами позволял себе сменить его на

лёгкий стёб. Уместно ли это – судить издательству. Студентам нравится. Зрителям и слушателям нравится. Читателям – поглядим.

Используя собственный опыт, автор честно рекомендует, не комплексуя, пропускать разделы, которые покажутся читателю не заслуживающими внимания или скучными. Автор не обидится по двум причинам. Во-первых, он никогда об этом не узнает. Во-вторых, он сам так делает. Не исключено, что пропущенная информация пригодится зачем-нибудь потом. Или не пригодится никогда – данному конкретному человеку. Так пригодится другому. Третьему. Или сто двадцать третьему.

Книги вообще надо читать быстро – потом их можно перечитывать, если они того стоят. Во всяком случае, помянутый выше двухтомник Голсуорси, которым можно было бы убить средних размеров слона, уронив его на это ни в чём не повинное животное, двенадцатилетний в то время автор, вдохновлённый шедшим на телеэкранах страны британским сериалом, прочёл за три дня. Было интересно.

Предисловие

БСВ: «Дуга нестабильности», или Котёл с неприятностями...

Что представляет собой с российской точки зрения регион, занимающий пространство от Марокко до Пакистана и от Сомали до российской границы? Территорию «Большой игры»? «Мягкое подбрюшье» России? Родину джихада? Потенциального союзника России в противостоянии с Западом и Китаем? Ресурс углеводородов для мировой экономики? Источник вдохновения для Збигнева Бжезинского, Владимира Жириновского и Александра Дугина?

Традиционно БСВ называют «мягким подбрюшьем» России. На самом деле, сколько бы мы ни готовились к противостоянию с блоком НАТО, какие бы спекуляции ни строились вокруг гипотетического конфликта с Китаем, как бы ни спорили с Японией по поводу Курильских островов, единственной реальной угрозой для России является угроза с юга.

Для джихадистов всего исламского мира Россия – часть «мира меча». Войну с нашей страной они ведут со времен советской оккупации Афганистана, искренне полагают, что победили, и готовы добить в любой момент на нашей собственной территории после победы над Западом, временный альянс с которым позволил им добиться ухода из Афганистана СССР. Теракты на Северном Кавказе и в Москве, суицидальный террор и захват заложников отчетливо несут на себе ближневосточный почерк.

Проблема распространения ядерного оружия для России, при всей опасности ситуации в Северной Корее, – это проблема стабильности пакистанских ядерных арсеналов и приближения Ирана к ядерному статусу. Проблема наркотиков – бесконтрольное производство опиатов в Афганистане и их транспортировка в РФ через центральноазиатские республики.

Проблема религиозного экстремизма – распространение на территории России радикальных исламистских идей, происходящих из стран БСВ, и замена умеренного российского муфтията экстремистами из числа возвращающихся в её пределы радикалов, обучавшихся в медресе и исламских университетах региона или участвовавших в джихаде в Сирии, Ираке и Афганистане.

Проблема границ – претензии Ирана на перераспределение бассейна Каспийского моря. Так как военно-политический и экономический подъём Ирана и Турции сулит России в будущем ничуть не меньшие проблемы, чем соседство Китая. И столкновение российских интересов с турецкими в Сирии осенью 2015 года, когда решалось само существование этой страны – и перспективы стабильности на Ближнем Востоке как таковом, – это доказало.

МИД РФ, структура осторожная, консервативная и, в отличие от советских времен, лишённая идеологического давления Политбюро, вовлекавшего страну в рискованные авантюры, высказывая мнение Москвы по тем или иным конфликтным ситуациям БСВ, делает это максимально сглаженно, стараясь не вставать ни на чью сторону. Однако полагать, что одинаково ровные отношения с арабским миром и Турцией, Ираном и Израилем, Афганистаном и Пакистаном можно будет сохранять вечно, было бы слишком наивно – и обойдётся слишком дорого.

Британская поговорка «араба нельзя купить, его можно только арендовать» чрезвычайно точно характеризует одну из основных традиций региона, однако сохранение прочных партнерских отношений со всеми без исключения силами, действующими на БСВ, суще-

ственно превышает объём наличности, циркулирующей в мировой финансовой системе. И уж тем более в финансовой системе российской.

Как и во все предшествующие эпохи, ближневосточные «центры силы» во втором десятилетии XXI века соперничают между собой. «Великие державы» в расширенном составе продолжают очередной раунд «Большой игры». Международные организации реализуют масштабные проекты, значительная часть которых направлена на обеспечение финансирования самих этих организаций, не имея никакого отношения к реальным проблемам БСВ. События же в регионе разворачиваются своим чередом.

В отличие от процессов, идущих в Африке южнее Сахары, которая пока более или менее варится в собственном котле, проблемы Ближнего и Среднего Востока касаются Европы и Соединённых Штатов, России и Китая, Индии и стран ЮВА напрямую. В том числе потому, что влияют на объём и ценовой баланс рынка углеводородов и состояние рынка вооружений, безопасность мировых грузоперевозок и уровень террористической угрозы.

Однако сверх того они оказывают решающее влияние на эмиграцию из стран «третьего мира» в государства «золотого миллиарда» и экологию планеты, перспективы режима ядерного нераспространения и будущее наркоторговли. Именно этим объясняется внимание, которое мы уделяем событиям, происходящим на пространстве от Атлантического побережья Северной Африки до пределов Индостана, хотя казалось бы – кого они должны интересовать в Париже, Лондоне или Москве, не говоря уже о Риге или Киеве?

Политологи всего мира вслед за Збигневом Бжезинским называют эту территорию «дугой нестабильности», что более или менее соответствует действительности. Все попытки привнести в эту дугу стабильность, которые в своё время с энтузиазмом, достойным лучшего применения, предпринимал Советский Союз, распространяя на её просторах социализм, а сегодня – Соединённые Штаты сотоварищи, распространяя там же и с тем же успехом основы демократии, провалились и, позволим предположить, будут проваливаться впредь.

Причина этого в том, что регион, по глубокому убеждению автора, представляет собой настоящий котёл с неприятностями, а из ведьмина варева супа не сварить, чего туда ни накроши. Известная поговорка про бочку мёда, которую портит ложка дёгтя, в применении к БСВ означает бочку дёгтя, которую так называемое мировое сообщество пытается исправить дозированными инъекциями мёда, искренне удивляясь, почему у него ничего не получается.

Отметим сразу: единого для всего мира подхода к тому, какая именно территория составляет Ближний Восток, не существует в принципе. Каждая имперская столица имела своё видение мира, каждая академия унаследовала это видение от своей империи, а современные постмодернистские научные школы привнесли в это немало путаницы, причудливым образом кроя планету по живому, в меру того, насколько компьютерные технологии позволяют экспериментировать с географией.

В итоге наряду с классическими полушариями мы можем найти в Интернете мир, центром которого являются Австралия или Китай, Япония или Индия, Бразилия или Турция. Однако, отбросив экзотические варианты, мы обнаружим, что основные современные картографические школы планеты помещают на интересующем нас месте Ближний Восток и Большой Ближний Восток (английская школа) или Ближний и Средний Восток (русская). Что не есть одно и то же.

Было бы любопытно взглянуть на регион с точки зрения академических традиций Парижа, Берлина, Рима или Мадрида, однако французская и немецкая школы ближнево-

сточных исследований (как и японская или китайская) при всей их значимости замкнуты в национальных границах, побеждены англоязычной и на протяжении десятилетий являются «вещью в себе». Что до итальянских и испанских материалов, интересы этих стран в регионе были слишком ограничены, чтобы всерьёз повлиять на мировую картографию.

Ближний Восток большинства современных англоязычных атласов и учебников – порождение британской колониальной системы. Он с запада и юго-запада ограничен Египтом, а с востока – Ираном. Бывших французских и итальянских колоний, территорий, вошедших в состав Российской империи, а также стран, возникших на месте африканских колоний Великобритании и Британской Индии, на этих картах нет.

Есть Кипр, но никаких следов Магриба, Сахеля или Афганистана. Что понятно с точки зрения британской университетской школы, готовившей администраторов и дипломатов под конкретную задачу. Чужие колонии изучать бессмысленно, Судан и Африканский Рог – это Африка, Пакистан – Индия, а ими занимаются в другом департаменте. Ничего личного – только бизнес и сложившаяся система государственного управления, приспособленная для нужд собственной империи. А для чьих ещё?!

Ближний Восток послевоенной американской школы куда шире. В его состав входит Большой Магриб, Судан и побережье Африканского Рога – до границ Кении, Афганистан и, по крайней мере на некоторых картах, Пакистан, который окончательно «прописался» на Большом Ближнем Востоке в составе американского АфПака в 2000-х годах. Что называется, где воюем, то и рисуем. Логика понятная и с американской точки зрения полностью оправданная. Понимать надо.

Отметим, не для развития темы зловещего американского империализма, а понимания перспектив для, что с точки зрения США Большой Ближний Восток включает республики Центральной Азии и Закавказья, являющиеся северной периферией Турции, Ирана и Афганистана, и в этом качестве входящие в зону стратегических интересов Соединённых Штатов. У военных баз, путей тылового обеспечения и зон дислокации вооружённых сил своя география.

Российский Ближний и Средний Восток (традиционно характеризовавшийся в отечественной востоковедной школе как ТВД БСВ – театр военных действий...) по понятным причинам не включает бывшие советские республики, с 1991 года существующие в качестве независимых государств, объединённых с Россией в рамках более или менее виртуальных межгосударственных соглашений и союзов. Или, напротив, максимально от неё дистанцирующиеся. Они, с точки зрения автора, имеют не большее отношение к региону, состояние дел в котором он предполагает описать, чем африканский Сахель, Балканы или Индия.

Общее историческое, цивилизационное, религиозное и культурное прошлое БСВ сближает его пограничные районы с примыкающими территориями транссахарской Африки, Юго-Восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии, китайского Восточного Туркестана или Индостана. Кипр – такая же часть исторической Оттоманской Порты, как Балканы, но он ещё и Европа. Мавритания, Судан, Эритрея, Джибути и Сомали – не только Ближний Восток, но и Африка. Пакистан – часть исторической Большой Индии, а Афганистан – Центральной Азии.

Всё это не отменяет того простого факта, что «русское наследство» на «северных территориях» Турции и Ирана, вошедших в состав Российской империи в XIX веке и существовавших в составе СССР до конца XX столетия в качестве союзных республик, до настоящего момента вполне живо. Вашингтон, Пекин и Брюссель, не говоря уже о Тегеране или Анкаре,

не вытеснили оттуда Москву и, несмотря на ослабление позиций России, вряд ли вытеснят её до конца. Поэтому, вопреки Госдепартаменту и Пентагону, мы будем говорить об этой территории как о периферии БСВ, но не его интегральной части.

Этот громадный по площади и чрезвычайно разнообразный по природным условиям регион – ближний сосед России и основной объект её территориальной экспансии в XVIII–XIX столетиях. Турецкая империя и Иран потеряли немало причерноморских и прикаспийских провинций в войнах с Россией, хотя часть ранее потерянных земель была возвращена ими после распада Российской империи. О чём сегодня можно сожалеть сколько угодно. И надеяться на их возвращение в рамках конструирования виртуальной Российской империи себе дороже. Пытаться и то не стоит. Тут как есть. Аляска и Калифорния тоже были когда-то частью России.

В начале XX века большая часть БСВ была частью трёх империй: Британской, Французской и Российской. Ливия, Эритрея и Южное Сомали принадлежали Италии. Западная Сахара и находящиеся на территории Марокко города Сеута и Мелилья – Испании. Оттоманская Порта и Иран, казалось, доживали последние десятилетия самостоятельного государственного развития, а независимость Афганистана была обеспечена исключительно его ролью буферной территории, балансировавшей между Лондоном и Санкт-Петербургом.

Период между двумя мировыми войнами с мандатной системой Лиги Наций позволил урезать Турцию в пользу Франции и Великобритании. Современная конфигурация государственных границ БСВ – не более чем итог распада колониальной системы. Как следствие, неурегулированные претензии стран БСВ друг к другу на протяжении десятилетий стали причинами множества войн и пограничных конфликтов, в итоге которых некоторые из этих стран, продолжая иметь представительство в ООН и прочие формальные признаки государственности, превратились в территории, не управляемые из единого центра.

Межгосударственные конфликты и гражданские войны, терроризм и пиратство, преследования меньшинств и трайбализм, революции и перевороты, распространение оружия массового поражения и наркопроизводство, геноцид и джихад в его современном высокотехнологичном исполнении – отличительные черты современного БСВ. Не слишком привлекательное получается место под солнцем. Хотя чего-чего, а солнца там действительно много. Кабы не сплошное кладбище, отличный вышел бы мировой курорт.

Выйдя из-под контроля метрополий, бывшие колонии, за редкими исключениями, создали не стабильные общественные системы, а более или менее успешные имитации западных институтов. Регионом управляют монархии, авторитарные светские диктатуры, военные хунты или исламские властные институты – за исключением Кипра и Израиля, политические системы которых воспроизвели европейские модели, а не имитировали их.

Попытки найти в «Арабской весне» 2011 года признаки превращения этих режимов в «демократии современного типа», распространённые в европейских и американских политических кругах, заставляют вспомнить о советском идеологическом «госзаказе». Как ни парадоксально, Збигнев Бжезинский удивительно мало по сути своей отличается от Александра Дугина, а Ричард Чейни от Владимира Жириновского. Что до Барака Обамы... как есть Григорий Явлинский – только добравшийся до власти. Не дай Б-г...

Бжезинский, шляхтич старого закала, не доверяющий русским в соответствии с заветами восстания Костюшко, а евреям просто потому, что какой же польский аристократ будет полагаться на евреев, даже после теракта 11 сентября 2001 года считал союз США с исламским миром предпочтительнее антитеррористической коалиции с Россией, Индией и Израилем. Евразиец Дугин вопреки реальности первой и второй чеченских войн надеялся на то,

что в борьбе с американской гегемонией и западным заговором Россия найдёт в исламском мире естественного союзника. Да и борцы с «жёлтой опасностью» и в США, и в России ищут в странах ислама противовес Китаю.

Вице-президент США Дик Чейни, республиканец и неоконсерватор, с началом военных кампаний в Афганистане и Ираке, по сути, реализовал призыв бессменного лидера ЛДПР Жириновского, либерал-демократа и патриота, «омыть сапоги в Индийском океане» (правда, американские, а не более близкие Владимиру Вольфовичу кирзовые отечественные). Воистину противоположности сходятся. Прав был Экклезиаст: «Что было, то и будет. Что делалось, то и делается. Вот придут некоторые и скажут «это – новое». Но все это уже было в мирах, бывших прежде нас».

Вне зависимости от уровня отношений России с США и ЕС, Китаем и Турцией, Ираном и Израилем «Большую игру» никто не отменял, хотя времена Киплинга прошли, состав игроков поменялся, некоторые из фигур на доске сами стали игроками, а мировая финансовая столица давно уже не Лондон, а Нью-Йорк. Хотя на горизонте превращение в равно-великие ему центры Гонконга, Сингапура и Шанхая. Ну так когда-то центрами мира были Рим, Аксум и Персеполис – что с того? Всё меняется под этими небесами, а других нет и не будет...

Что с того, что в число ближневосточных углеводородных ресурсов, питающих мировую экономику, вслед за нефтью вошёл газ, трубопроводы протянулись на тысячи километров, а танкеры превратились в супертанкеры? Что «свободных портов» больше не существует, Суэцкий канал национализирован, а судоходство в проливах регламентировано международным правом? И дипломаты носят не тоги с пурпуром и полированные панцири, не шитые золотом халаты с тюрбанами и не фраки с цилиндрами, а партикулярные костюмы с галстуками?

Соперничество и борьба конкурентов на БСВ не прекращаются от того, что они являются партнёрами, и лишь обостряются, если они – противники. Союзников там не бывает – есть лишь борьба всех против всех и интересы, которые временами могут совпадать. «Террариум единомышленников» это называется, если кто не в курсе. В рамках которого все «друзья» мгновенно растворяются в пространстве до полной прозрачности, как только в них возникает реальная нужда. И российских друзей с союзниками это касается в полной мере. Проходили не раз.

К слову, интересы государств отнюдь не обязаны совпадать с интересами ведомств или корпораций, а интересы самих ведомств с личными интересами возглавляющих их бюрократов. Частные владельцы – иное дело, но много ли в мире корпораций, напрямую управляемых акционерами? Да и интересы той или иной страны в том виде, как их формулирует и реализует государственный аппарат, состоящий из конкретных людей с конкретными личными приоритетами, имеют мало общего с интересами населения, будь это западные налогоплательщики или отечественные избиратели.

Убыток от военно-технического сотрудничества, строительства за рубежом атомной станции, гидроузла или железной дороги государство спишет, утешившись политическими выгодами или имиджем страны. Корпорация, осуществляя этот проект, заложит в него свою ренту вне зависимости от потерь. Аппарат сполна получит зарплату, командировочные и премиальные. Руководство проекта – бонусы и синекуру к пенсии. Ну а «народ»... народ в поле. В полном соответствии со своей исторической миссией и анекдотом брежневских времён, вне зависимости от того, живёт он в обществе демократическом, управляемо-демократическом или какого-нибудь другого типа.

Экономические и политические проекты СССР в Африке и на Ближнем и Среднем Востоке в 60–80-е годы стали кладбищем десятков и сотен миллиардов «тяжёлых» – «старых» долларов, покупательная способность которых несопоставима с сегодняшней валютой США. Именно этих денег не хватило Михаилу Горбачеву для того, чтобы Советский Союз не обанкротился, распавшись в 1991 году. И страну, в отличие от КПСС со всеми её подразделениями, по-настоящему жалко.

Впрочем, учитывая растущую внешнеэкономическую и внешнеполитическую активность действующего руководства России, отечественную склонность к мегапроектам, волюнтаризм принимаемых решений, фаворитизм в управленческой политике, приводящий на вершину властной пирамиды несменяемых годами дилетантов, и размер «откатов» – кто сказал, что вся эта история закончилась с распадом СССР? Никто не сказал. Ну и ладушки. Спи спокойно, читатель. Всё равно ничего другого не остаётся...

Отступление первое

Мягкая-премягкая сила...

Начальство любит троечников. Двоечников оно тоже любит, но само по преимуществу состоит из них, цену им знает и особых надежд не питает, используя на определённых постах и в определённых пределах. Что до троечников, от них, может, особой пользы делу не будет, зато не будет и вреда. Звёзд с неба не хватают, но и не подсидают, а это важно. Исполнительны. Инициативны. Иногда слишком и по-дурачки, так ведь чего ещё от них ждать? Зато намерения самые лучшие: угадать, чего начальство хочет, и, забежав вперёд, выполнить, преданно глядя в глаза. Приятно.

Троечники вполне могут окончить престижный вуз на «хорошо» и «отлично». Да что там, совершенно спокойно могут получить красный диплом. Они не оттого троечники, что учатся средне. Всё, что нужно знать для того, чтобы сдать зачёты и экзамены, получить престижную работу и как сыр в масле кататься до конца жизни, у них есть. Причём у некоторых даже есть и совесть – в разумных пределах. Но строить жизнь они будут не по десяти заповедям, не по моральному кодексу строителя коммунизма и не по классической литературе, а так, чтобы карьера была успешной. Откуда и результаты.

Напрягаться они не любят и привыкли списывать. Отчего перестроенная ими система отечественного образования и перестраиваемая – науки загонит Россию «за Можай» куда эффективнее, чем все её враги. Но исключительно из добрых намерений. Поскольку люди с собственным мнением их раздражают, по определению, а человек, которого в школе и тем более в институте научили учиться, представляет неизбежную опасность для системы. Да, он может изобрести всё, что стране надо, – как в своё время Сахаров. В том числе в оборонной сфере. Но возни с ним столько... Проще идти по тестам. А кто их придумывает и какие у него самого знания, дело десятое.

Важнейшее дело в карьерном росте – есть глазами начальство и создавать впечатление, что всё, что его волнует и заботит, для тебя первейшее дело. И если ты чего напортачил, то с добрыми намерениями и от излишнего усердия. Опять же начальству хорошо, оно по природе своей гениально, а с нас, прочих дураков, какой спрос? Что производит хорошее впечатление и помогает оправдаться в какой угодно ситуации.

Тем более что повышают и награждают их в зависимости не от реальных успехов, а от впечатления высшего начальства. И его начальства. До самого верха вертикали... или, если угодно, «шампура власти». И побеждают в соревновании за благосклонность руководства не те, кто на самом деле лучше прочих, а у кого в голосе больше металла, глаза горят ярче и грудь выкачена круче. Орлы. И орлицы. У которых на самом деле с грудью всё в порядке.

Именно они осваивают государственные бюджеты, строят офисы для своих ведомств в зарубежных столицах, седлают фонды и направления работы и запарывают их тем более неотвратимо и последовательно, что самодовольны и самоуверенны на изумление. Но ничего им никогда за это не бывает. Да и быть не может, поскольку они демонстративно преданы сильным мира сего и назначены по высочайшему соизволению.

Признать, что они никуда не годны и ни при каких обстоятельствах не могут быть назначены нигде ни на какую должность выше поста второго помощника старшего консьержа подъезда кооперативной пятиэтажки, нельзя. Это подрыв кадровой пирамиды – начальство, их назначившее, или высшее, которое это назначение согласовало, на самом

деле, может быть, ни черта в кадрах и не понимает, но признавать это не готово и за своих назначенцев стоит вусмерть.

Отчего на ключевых постах в ключевые моменты сплошь и рядом оказывается чёрт-те кто, занимаются эти люди чёрт-те чем и выполняют свои обязанности из рук вон плохо. С поправкой на то, что если они вообще хоть что-то выполняют, кроме показушной имитации бурной деятельности, так и то хлеб. Ибо в их собственном понимании результат работы и есть их назначение на пост, с которым работа должна заканчиваться. После чего начинается синекура, долгие вояжы и большое воровство.

Главное – делиться с вышестоящими, ставить уже своих людей на ключевые посты в пределах компетенции и не умничать сверх меры. А также не дай Бог не проявлять инициативу за рамками должностных инструкций – не так поймут, вылетит. И даже если на деле ни на что сверх отпущенного руководством лимита полномочий на самом деле не покушался – пойдёшь доказывать. Да и докажешь, кому от того лучше? Осадок-то останется...

Читатель, справедливо недоумевающий: какое, собственно, всё вышеописанное имеет отношение к теме книги, – может успокоиться. Имеет самое прямое. Как великолепный для своей эпохи, XII столетия, словарь Махмуда Кашгарского для современной тюркологии. Что будет явлено незамедлительно, и жаждущие славы и процветания отечества от того омоются горькими слезами, как в своё время омылся ими автор. Был бы прок.

Ибо «мягкая сила», о которой много говорят политики всех рангов и курлычут вечно голодные и жадные до денег и признания политологи и политтехнологи, напрямую связана с тем, кто именно её на мировых просторах олицетворяет и проводит и как он это делает. И тут у России, в отличие от СССР, большой затык. Чтоб не сказать кирдык и полное несоответствие благостной в глазах начальства картины мира её реальному виду. Как было и перед Крымской войной. А также перед революциями 1917-го и 1991-го. Традиция такая, понимаешь...

Для тех, кто не силён в терминологии, поясним. «Мягкая сила» (словосочетание это мы далее будем писать без кавычек) отличается от прочих типов воздействия государства на окружающее пространство тем, что не требует для защиты этого самого государства государственных интересов применения авианосных группировок, штурмовой авиации, танков, рейдов спецназа, разведывательно-диверсионных операций, ракетных войск стратегического назначения и экономических санкций.

То есть не требует всего того, что применялось, применяется и будет применяться всеми без исключения странами в критических ситуациях. С той лишь немалой разницей, что сверхдержава на подъёме (или стагнирующая – как современные США) может себе позволить много больше, чем «великие державы» (величие которых, помимо имперского прошлого, состоит в их ядерных арсеналах), а те больше, чем все остальные государства на планете.

Влияние государства в этом мире не обязательно подчинено закону «большой дубинки». У него может быть привлекательная валюта – свободно конвертируемая, а то и мировая резервная (кому как повезло), значимое место в какой-то сфере в международном масштабе, сильные позиции в мировом распределении труда (к примеру, у России – на рынке углеводородов), всемирно признанная культура и так далее и тому подобное. Балет там, опера. Или Парфенон с Колизеем.

Тогда с ним считаются, ему подражают, его язык становится средством общения, и терминология на базе этого языка превращается в применяемую всем миром. Как нынче и обстоит дело с английским, до того с немецким, во времена Наполеона Бонапарта с француз-

ским, а ранее с голландским – при Петре Великом. Ибо страна вполне может быть великой, имея весьма скромные размеры. Поскольку достижения не от размеров территории зависят. И не от протяжённости границ.

Опять-таки у государства может быть великая история и оно, как Италия, может иметь в своём составе город, являющийся столицей мировой религии (Ватикан формально не Италия, но паломники со всего света туда едут через итальянскую территорию, живут в итальянских гостиницах и едят в итальянских ресторанах). Или его музеи обязан посетить каждый уважающий себя культурный человек: поток туристов – не меньшая составляющая часть мягкой силы, чем поток паломников. Или международные ярмарки и соревнования в этой стране такие, что она превращается в мировой перекрёсток – со всеми вытекающими отсюда преимуществами.

Или, да простят автора ревнители моральной чистоты милоно-мизулинского типа, девы её прекрасны, обаятельны, владеют иностранными языками и легки на контакт (что в отечественной культуре издревле обозначается как «слабы на передок»). Отчего туда в очередь выстраиваются альфа-самцы и прочие умученные политкорректностью и однополостью люди с Запада, да и со всего прочего мира (что есть одно из основных преимуществ современной России). Кому вертеп и поношение Отечества, кому немалая приятность и сплошной плезир.

Даёт всё сие, вышеперечисленное и поименованное, а также непоименованное, помимо непосредственной, хотя и немалой материальной выгоды, влияние. На первый взгляд незаметное, но зачастую куда более ценное, чем возможность победить кого угодно. Ну оккупировали США при некоем символическом участии международных коалиций Ирак и Афганистан – что толку? Разгромили Ливию, с учётом афгано-иракского опыта даже не попытавшись её оккупировать, и? Хорошо кому-нибудь стало?

Стало плохо. Бомбили, стреляли, разрушили что могли и ввели-таки демократию. В итоге партизаны, минно-диверсионная война, раскол и разброд, коррупция марионеточных правительств, наркопроизводство в мировых масштабах. Поток нелегальных мигрантов в Европу, радикальные исламисты, на глазах «цивилизованного человечества» создающие на месте бывших государств авторитарного типа средневековые квазигосударства, трайбализм, откровенная работоторговля и всеобщее насилие и беззаконие. Одно разочарование.

То ли дело голливудские фильмы, которые смотрит вся планета. Музыка (джаз, блюз, рок, рэп – не важно какая, поклонники найдутся), которую слушает вся планета. Студенты со всего мира, штурмующие американские университеты, наиболее толковые из которых остаются в Америке, становясь американцами. Деньги, которые с готовностью принимают во всех банках планеты и в которых формируют национальные валютные резервы даже те, кто Америку на дух не переносит (кто не в курсе – это доллары Соединённых Штатов, они же «зелёные», они же «капуста»).

Плюс язык, на котором говорят миллиарды людей за пределами собственно Штатов (понятно, что родина английского – Великобритания, но символом англоязычного мира на сегодняшний день являются именно США). Плюс стиль жизни: от джинсов, бейсболок, стриптиза и курения сигар до, напротив, отказа от курения, феминизма и прочей зауми в стиле загнивающей и мающейся дурью от безделья империи. Или популярных по всему миру коктейлей, три четверти которых с Восточного побережья или из Нового Орлеана. И прочее, и прочее, и прочее.

Всё это в совокупности позволяет дипломатам, торговцам, военным и туристам (в том числе пенсионерам) из Америки чувствовать себя хозяевами мира и вести себя как хозяева мира. И, откровенно говоря, во многих странах их так и воспринимают. Хотя в ничуть не меньшем числе государств американец – мишень террориста и добыча для любого уважающего себя гангстера. Издержки влияния. Та самая «другая сторона силы», о которой много говорится в американских «Звёздных войнах» – фильме с джедаями, а не военной программе времён президента Рейгана.

Поправка тут на то, что многие из тех, кто Америку и американцев терпеть не может, попросту сами хотели бы оказаться на их месте. Ну, что называется, хотеть не вредно. Вот только создать свою Америку – с мощной экономикой, армией, способной на то, на что способна армия США (хотя справиться с партизанами, к примеру, она не может, по определению), и чрезвычайной привлекательностью многого другого из того, что демонстрирует миру эта страна, пока ни у кого не получается.

У СССР мягкая сила была. Держалась она частично на военной мощи, частично на тех гигантских по мировым масштабам проектах, которые Москва реализовывала, разоряя свою экономику, но отвоёвывая рынок за рынком у «капиталистического мира» в Африке, Азии и по мере сил в Латинской Америке. Страны «социалистического лагеря», государства «социориентации» и попутчики, решившие, разругавшись с Западом, поискать счастья в сотрудничестве с Советским Союзом, были её форпостами и оплотами. Хотя куда что делось и кто во что с годами превратился...

Когда-то в их школах и университетах местное население учило русский язык. Их студенты и военные обучались в отечественных вузах. Они сотнями тысяч вступали в брак с девушками из Союза и создавали таким образом связь между своими странами и первым в мире государством победившего пролетариата (кому б она теперь была нужна, эта связь...). Хотя, как и в случае с Америкой, для многих из них Союз был просто очередной дойной коровой, многие у него учились и ему подражали.

Опять же было чему подражать – особенно для тех, кто в отечественной провинции не жил и даже если обучался в СССР по сельскохозяйственной линии, практику проходил в передовых колхозах и совхозах. Победа в Отечественной войне. Космос и Гагарин. Армия и подводный флот (о флоте надводном умолчим). Атомная промышленность и ядерные арсеналы. Военно-промышленный комплекс. Столицы – обе абсолютно имперского типа, хотя Северная столица со времён революции сильно поношенная...

Музеи и театры, великая музыка и великий кинематограф, наука, спорт мирового уровня и детский спорт, школы и университеты – дореформенные, ещё не искалеченные «модернизацией», сохранившие дореволюционные русско-немецкие традиции. Всё было. И – великие идеи. Декларативный интернационализм по силе воздействия не менее силен, чем «нести ни эллина, ни иудея». Да и «от каждого по способностям, каждому по труду» – тоже чем плохо? Как там у Жванецкого? «Какая была страна...»

Читатель в меру сил способен определить, что из описанного живо в России того года, когда в его руки попадёт настоящая книга, и в какой мере всё оно способно влиять на мир, видевший не одну империю. Причём не то чтобы всё, что в стране было при старой власти, сплошь было хорошо. Много было плохого и ничуть не меньше чудовищного, о котором с подачи партии и правительства просто не говорилось. И по сей день единства в народе в отношении всего этого не наблюдается. И потомки жертв и палачей, которые сами в свой черёд становились жертвами, одинаково к чужому мнению по этому поводу нетерпимы.

А впрочем, для желающих говорить и тем более писать не о том, о чём надо было говорить и писать, была огромная Сибирь, где можно было до морковкина заговения, по бессмертной «Формуле любви» Марка Захарова и Григория Горина, «убирать снег». При том что снегу там до сих пор куда как много. И царящий вокруг автора на момент написания данных строк отечественный вариант бонапартизма не даёт оснований совсем уж расслабиться – Сибирь осталась где была. Хотя по нынешним временам проще киллера нанять...

Опять же далеко не всё, что возникло при новой власти, в России плохо. Государство, понятно, отнюдь не везде играет живительную роль. Где не надо, его откровенно много, а там, где оно на самом деле нужно, его днём с огнём не дозовёшься. Складывается впечатление, что старинный революционный принцип «грабь награбленное» в стране живет всех живых, а реализуют его в реальности именно «люди государевы», не забывая про себя, родственников, свойственников, ближнюю челядь и потомство, которого у них на удивление много.

Однако торговые центры, отели, рестораны и дома строятся, и неплохие. Дороги кое-где есть нормальные и аэропорты. Телевидение не без интересных программ. Опять же Олимпиада в Сочи, за которую было особенно боязно, прошла на ура. И с Крымом каким-то чудесным образом стратегические национальные интересы победили мелкое жлобство. Хотя потом всё, как всегда, подуспокоилось и на местной поляне пошла в рост обычная для постсоветского пространства смесь быкующих братков, коррумпированных чиновников и представителей закона, по которым Мордовия плачет. Бывает.

Впрочем, на повестке дня второе издание холодной войны – не стоит обольщаться, не из-за Украины, – и надолго. Поскольку логика тут проста: Китай объявлен главной угрозой национальной безопасности США и в этом качестве присутствует в их соответствующей, пятой за последние полторы сотни лет, программе нацбезопасности. Справиться со своим главным торговым партнёром и основным кредитором Штаты могут, только отрезав его от энергоносителей. А те идут в КНР в основном как? Морем. И поскольку у Пекина есть в качестве топливно-энергетической базы, не зависящей от морских путей, только Россия и Центральная Азия, они своё в обязательном порядке и получают. Элементарно, Ватсон!

Пока в России есть высокотехнологичные остатки прошлого, она «не сгинела» и «не умерла». Технологии (с советских времён), ядерный и космический потенциал, частично наука и осколки образования, несмотря на внедрение «Болонской системы», воцарение над Академией наук непонятно кому и зачем, помимо Большого Воровства, нужно ФАНО и прочие изыски 90-х годов, расцветших в 2000-е и 2010-е, у Москвы пока есть. Сколько правительство ни тешится, пытаясь развить то и это, страна пока жива.

Отчего её позиционирование как нормальной, со своими интересами державы, способной эти самые интересы защищать, вызвало поток идеологизированных нападок, политико-экономические санкции и уход ведущих стран западного клуба в формат G-7. Что, если кто ещё не понял, похоронило надежды на партнёрство с ними, так как означало: холодная война не закончилась, в ходе перестройки Москва «ушла с фронта» противостояния с Западом в одиночку и впереди её ждут большие приключения. Хотя бы потому, что западные «партнёры» восприняли шаг навстречу и протянутую им руку как собственную победу и поражение России.

По результатам вышеописанного возник топливно-энергетический альянс России и Китая, продвинулись на глазах не ожидавшего этого Запада БРИКС и ШОС, продолжало развиваться ЕврАзЭС, и вообще наметились контуры «мира без западных стран». И вот тут-то как раз мягкая сила стране бы и пригодилась. Когда и если бы наличествовала она, а не её

имитация. Причём сконцентрированная в первую очередь на создании миражей для начальства.

Необходима эта картинка для того, чтобы начальство ставило правильных людей на нужные посты, не будоражило финансовыми проверками, не спрашивало о реальных результатах и не мешало работать с бюджетом. А то начини оно во всём копать, такого можно было б накопать... И кому нужна такая правда? История сия стара как мир. И если б только на отечественных просторах она процвела после распада Советского Союза... Желающие могут присмотреться к Украине или той же Молдавии. О прочих бывших братских советских республиках умолчим.

Автор не входил и не входит в состав руководства Счётной палаты или Следственного комитета и, при всём понимании важности их работы для страны, не в состоянии поверить в то, что она когда-нибудь даст конкретные результаты. Мешает «прецедент Сердюкова» и прочие аналогичные кунштуки. Хотя объём денег, списанных на проекты, призванные продвинуть имидж России за рубежом, велик. Даже избыточно велик.

Опять же, с системой работы российских загранучреждений автор знаком исключительно в качестве внешнего наблюдателя. Но может констатировать катастрофическую деградацию этой системы в постсоветский период. При том что после исчезновения немало мешавшего её нормальному функционированию партруководства привести её в порядок ничто не мешало. И, к слову говоря, до сих пор не мешает. Разве что отсутствие совести и мозгов в ответственных головах.

Повальное воровство, в том числе со стороны ответственных работников, и некомпетентность «блатных» успешно победили остатки профессионализма и мотивации, что сказалось на всём фронте работы, от Запада до Украины. Ориентация не на население и элиту страны пребывания, а на то, что должно понравиться собственному начальству, со всеми его бзиками и далёкими от реальности стереотипами вроде «православного» или «русского мира», естественная в условиях бюджетного волюнтаризма, влияния России не прибавила.

Ожидать улучшения обстоятельств в этой сфере, к сожалению, не приходится. Что имеем, то и носим, или, говоря проще, что потопаем, то и полопаем. Тем более что многие из назначаемых представлять Россию чиновников не просто люди чванливые и серые, но откровенно глупы. Приходилось встречаться. Воротит. Обсуждение этого – тема щекотливая и неприятная. Однако в одном конкретном аспекте проблемы автор напрямую столкнулся с тем, как обстоят в нашем отечестве дела с мягкой силой. И не сказать чтоб получил от этого удовольствие.

Поскольку этот прискорбный, но показательный инцидент касался Ближнего Востока напрямую, уделим ему время. А заодно рассмотрим частности того, как кадровая политика влияет на позиционирование страны, мягкая сила превращается в мя-агонькую, а ведомства появляются и исчезают, как Александр Абдулов в роли Ланселота в схватке с драконом в фильме Захарова и Горина по сказке Шварца. «Убить дракона» назывался этот фильм, который многое объясняет в жизни. И нашей. И вообще.

Стало быть, понравилась как-то начальству активно и демонстративно патриотическая журналистка из провинции, общавшаяся с ним в стиле «всех за Вас лично и за Родину порву, Ваше сиятельство». Начальству вообще такие нравятся – не только женского полу. Отмечено не раз. Талантов там особых не было и нет. Ну, глаза показательно большие. Фигура откормленная, или, как говорили классики, «вспоённая» щедрой природой юга страны. Нахрапистость – не отнять. Оттуда же, южного типа. Опять же человек из народа, не столичный

бомонд. Без избыточной интеллигентности и ограничений, навешанных правилами хорошего тона. Есть кого повышать.

Дали неукротимой брюнетке фронт работы на телевидении. При этом опыт у неё был нулевой, начальником она была (и осталась) никаким, ближний круг соратников был ею подобран соответствующий, и если бы не «смотрящие» над её работой из профессионалов старой школы, так там была бы просто катастрофа. А так ничего, они для неё всё отстроили. Сначала возник телеканал на английском языке (учтём, что совпадения с реальностью отсутствуют, ситуация чисто гипотетическая). Потом на арабском и испанском (тоже без привязки к отечественной реальности – так, наваяло невесть откуда). И понеслась звезда по кочкам.

Довольно быстро она придушила традиционное иновещание и полюбила начальству. Понятно почему: активная светская жизнь в современной России имеет большое значение для продвижения при дворе. А поскольку провинциальная дама, возглавив всё то, что оседлала, основные усилия предпринимала не в профессии, а в «тусовке», она там быстро прижилась и обзавелась полезными связями. Плюс научилась правильным подходам к финансовым потокам, что встроило её в систему в качестве ценного элемента перераспределения этих потоков отсюда, куда они должны были течь, туда, куда они теоретически попасть были не должны – но почему-то всё время попадали.

Такая школьная задача по арифметике про бассейн с тремя трубами. Из одной течёт то, что нужно, куда нужно. Из другой идёт струйка направо. Из третьей поток налево. Вопрос: как делать дело, если хочется, чтобы вообще всё шло по третьей трубе, а до конца не получается? Перекроешь кран на второй – перестанет течь из первой. И не дай Б-г могут контрольные органы поинтересоваться – они в стране очень любопытные и их много: зачем так много налево утекает? И главное, кому? Кто схему крышует – персонально? И есть ли у него на это разрешение с того уровня, который полномочен давать такие индульгенции, или нету такого разрешения?

Правильный ответ на этот вопрос: дело делаем на самых малых оборотах, имитируя результат. Пишем начальству красивые отчёты и пудрим ему и окружающим мозги, а остальное... Как говорят участники «Комеди клаба», бывшие КВНщики: «Куда оно пойдёт, кого волнует, Вася?» Однако вот ведь какая незадача: выстроенная система не одинока в геополитическом национальном пространстве. В стране есть параллельные структуры со старой историей и хорошей репутацией. Кадры там калиброванные, опытные. Много могут и тоже вхожи в верха. Хотя уже благодаря наличию биографии и профессионализма вызывают там смутное подозрение – не близки.

В высшей бюрократической тусовке начальство соперников, впрочем, тоже присутствует, хоть и не на таких оборотах: семьи, дети. Да и работать им надо, не всё же гулять. Эдакие муравьи из басни дедушки Крылова, проблеме острой конкуренции с которыми вынуждена решать провинциальная стрекоза. Это у неё головная боль номер раз. И внутренняя – номер два: у неё в своём собственном болоте завелись трудоголики, всерьёз принявшие поставленные задачи и начавшие решать их не по-детски. С высокой степенью эффективности и отдачей, но за те деньги, которые это на самом деле стоит. Поскольку чудес не бывает и хорошая работа стоит хороших денег. А денег так жалко!

Хорошо, когда арабский телевизионный канал вышел с приходом профессионального мидовца-арабиста на третью-четвёртую позицию в мировых масштабах после катарской «Аль-Джазиры» и саудовской «Аль-Арабийи»? Ну, ничего. Все смотрят, все цитируют, да и команда собралась – на удивление. Причём особенный интерес у арабов-зрителей вызывает присутствие в русском арабоязычном эфире израильтян. Не тех, у которых обычно берут

интервью арабские журналисты – левых и ультралевых, с которыми и так всё ясно: кто им гранты на их миротворческие инициативы шлёт?

То есть кто надо, тот и шлёт, благо пока израильское законодательство это позволяет. Арабские фонды. Иран. Западные посольства подкармливают. Но слушать этих прикормленных израильтян неинтересно. Можно и своих послушать – говорить будут то же самое и даже более увлекательно. Тем более говорить будут на родном арабском языке. Но у русских говорят в телеэфире те, кто на самом деле командует Страной Израиля, и это для арабов важно. Поскольку там идёт не агитпроп, а ценная эксклюзивная информация. Арабы – народ торговый, опытный. Разницу между делом и болтовнёй понимают.

Важен ли для России такой инструмент воздействия на арабский и в целом исламский мир? Ясен перец! Тем более что «Аль-Каида» русских не любит и против Москвы воевала ещё в Афганистане. Да и «Братья-мусульмане» со времён войны в Чечне их не любят, что ярко демонстрирует духовный лидер этого течения шейх Юсеф Кардауи, несмотря на преклонный возраст, человек бодрый, харизматичный и с хорошим чувством юмора. Благо сидит он в Катаре с его крупной чеченской диаспорой. В том самом Катаре, на территории которого пришлось убирать Зелимхана Яндарбиева, излишне преуспевшего в организации финансовой поддержки террористического подполья на Северном Кавказе.

А на повестке дня «Арабская весна». И именно Россия встала в Совбезе ООН на пути резолюции, открывающей дорогу западной интервенции в Сирии. То есть для Саудовской Аравии она враг, и для Катара она враг. Другом она никогда им не была, но со времён войн в Чечне они осознали, что дешевле Москву не трогать. Однако Сирия, по их понятиям, является их законной добычей. Поскольку Ирак они руками американцев добились. С Тунисом и Египтом, используя обострение там внутривосточной ситуации, справились. На экс-прессивного Каддафи с его Ливией, притравив НАТО, нашли управу. В Йемене Салеха сместили. И осталась у них из светских авторитарных режимов только Сирия с её Асадом и алавитским генералитетом – союзник и партнёр шиитского Ирана.

Алавиты для салафитов кто? Еретики. А присмотреться – так и вообще не мусульмане. За что их надо перебить. Тем более что через территорию бывшей Сирии можно тянуть в Европу через Турцию газопровод из Катара и нефтепровод из Саудовской Аравии. И всем будет хорошо. Включая США, которые надеются удушить Россию на европейском рынке энергоносителей. Плохо будет Сирии, но кого когда волновали страны, которым сам Б-г велел быть разгромленными и раздавленными во имя прогресса и процветания тех, кто им это счастье организовал? Схема проста: добавить Москву, чтобы по ливийскому образцу заняла в Совбезе ООН нейтральную позицию, а Китай в одиночку заблокировать никакую резолюцию не будет.

Далее бомбим войска Асада, вводим над Сирией бесполётную зону, открываем с севера турецкий фронт, с юга и востока на Дамаск наступают исламисты. И в общем, с Сирией всё. Дальше будет драка за добычу, разбор полётов между победителями и всё прочее в том же роде, но там уж как выйдет. Во всём этом раскладе на кой чёрт и кому, кроме Москвы и самого Асада, нужен арабоязычный русский телеканал, тем более популярный? С объяснениями российской позиции, выступлениями популярных и знающих арабский мир специалистов, поддерживающих эту позицию, разъясняющих логику действий Путина, и всем прочим, что этот канал делает?

Тут нужно вербовать боевиков на джихад против Дамаска, подтягивать союзников в арабском мире. Нужно намертво изолировать цивилизованное сообщество от информации о том, что на самом деле представляют собой отряды, воюющие против Асада, и о всех тех зверствах, которые они творят. Западные СМИ давным-давно прикормлены и работают на

салафитский тандем – Катар и Саудовскую Аравию, выдавая на потоке сплошную дезинформацию. Но с русскими это не проходит. Тем более что они ещё в Ливии поймали на этом за руку и западников, и арабов. И много чего на эту тему миру рассказали – пока рассказывали.

Выход из сложившейся ситуации самый что ни на есть простой, по Леониду Гайдаю. Как там у него в его последнем фильме «На Дерибасовской...»? Если врага нельзя купить, значит, нужно его убить. Вот это самое с мягкой силой Российской Федерации в арабском мире в виде телеканала «Россия аль-Яум» сделано и было. И даже с некоторым изяществом, руками его собственного руководства и «в интересах дела». Чистая «Тысяча и одна ночь». В рамках модернизации, оптимизации, экономии бюджетных средств и популяризации на Западе передовых отечественных достижений. Кастрация есть обрезание, доведённое до окончательного результата. Вот и с русскоязычным телеиновоещанием так, оказывается, можно было сделать. Добровольно и с песнями.

Автор столкнулся с этим, когда ветераны канала его попросили поинтересоваться у начальства, что происходит с израильским корпунктом. Происходило странное. По-русски это называлось наездом при особо отягчающих обстоятельствах. Требование заменить съёмочную группу на людей ХАМАС было особенно пикантным, с учётом того, что во главе Палестинской национальной администрации находился (и находится до сих пор) заклятый враг ХАМАСа – ФАТХ. Однако нападение на операторов и попытка их физической ликвидации были уже за рамками шуток, хотя для внутripалестинских отношений выглядело оно нормально. Москва по этому поводу не сказала ни слова. Попытка главы израильского представительства телеканала пообщаться с центральным начальством ни к каким результатам не привела. Начальство оказалось недоступно, как британская королева в критические дни. И это был плохой сигнал.

Ещё хуже было то, что проинформированные об экстренной ситуации Большие Парни в самом начале пути к уху Самого Главного были отсечены и пресечены его ближайшим окружением. С формулировками, категоричность которых исключала возможность повтора попыток довести информацию до верха властной вертикали. И вскоре стало понятно почему. На канале прошли массовые увольнения, в рамках которых ушли почти все профессионалы – и арабы-старожилы, и русские. Злые языки говорили о 200 журналистах и технических работниках. Заменили их чёрт-те кем, включая студентов. Начальство тоже сменилось. Благо отстроивший канал мидовец-арабист уже работал на ответственном загранпосту, а уволить оставленную им за себя даму было проще.

В итоге во главе канала встала блондинка русско-иорданского происхождения, которая и принимала Самого, когда тот канал посетил, сказав ей добрые слова, приличествующие случаю. После чего стало понятно, почему сведения о происходящих безобразиях наверх не прошли. Хотя сигналили многие, в том числе из тех, кого уволили – а там были очень непростые люди с прелюбопытнейшими биографиями. Большие Парни затеяли Большую игру, в итоге которой отечественная система иновещания была перелопачена, агентство РИА «Новости» исчезло как самостоятельный игрок, а его руководство покинуло информационно-политический Олимп. Большая власть, большие деньги... Какой-то павлин-мавлин, зачем шуметь, э? Деньги любят тишину.

Ну, дальше было много чего. Бренд умники-экспериментаторы попутно прикончили, переназвав канал так, что ни одного арабского слова в его названии не осталось. В эфире перестроенного кадра наспех собранные с бору по сосенке корреспонденты уходили в отставку «в знак протеста против политики России в Сирии». Там пошла информация «Аль-Джазиры», направленная против России и Сирии. Причём происходило всё это на российском телеканале, работавшем на арабском языке. И было много чего ещё.

Автор с тех пор на этот канал не ходок. Когда его туда зовут, он честно отвечает, что полагает даму-южанку, с которой всё началось, предателем родины и в подведомственный ей эфир пойдёт после того, как её уволят или посадят. Чего, понятно, никогда не произойдёт. Поскольку на дворе демократия и смягчение нравов. В сталинские времена её за всё описанное, прости Г-ди, не просто посадили – расстреляли бы...

По подозрительности своего характера автор уверен, что наблюдал успешную операцию эмирата Катар по ликвидации противника в лице телеканала «Россия аль-Яум». Причём куда более тонкую, чем нападение на посла России в Катаре Владимира Титаренко в аэропорту города Дохи, в результате которого он едва не потерял зрение и вполне мог быть убит. Ибо в Аммане у русско-иорданской блондинки, которая была поставлена на разгромленный канал, в информационной сфере нашёлся родной дядя, который, судя по всему, и лоббировал замену израильской съёмочной группы на людей ХАМАСа. Что напрямую отправляет нас к Катару, который в тот период времени ХАМАС курировал и финансировал. Да и в Иордании контролировал много кого и чего...

Внимание, вопрос. Есть у России в рамках мягкой силы после всех описанных событий рычаги влияния в арабском мире? Чёрта с два они у неё есть. Телеканал у неё есть. Кто его использует и для чего, причём за русские деньги – большой вопрос. Судя по результатам «оптимизации» отечественного инновационного вещания, в Катаре внимательно читали Дюма. Бриллианты королевы за деньги кардинала... Опять-таки ломать не строить. Люди уволены и вряд ли вернутся. Бренда нет. Канал как таковой погас. Сдох и стух. Врать начальству про то, какие у его любимцев потрясающие результаты и там, и тут, и ещё вон там, все эти люди могут. Толку что? Была хоть какая-то мягкая сила. Стала мя-агонькая. Совсем бессильная. И толку с неё как с козла молока.

А всё кадровая политика. Не надо бы двоечникам брать на работу провинциальных троичников, даже если те полны энтузиазма и жажды карьерного успеха. Не будет от них прока. Если, конечно, не считать таковым, выражаясь языком императрицы Елизаветы Петровны, «интересную прибыль». Однако при таком раскладе «эффективные менеджеры» всех степеней могут ненароком и родину продать. Или хотя бы сдать в аренду, не понимая, что возвращать её им никто не будет. Причём, что самое обидное, не из дурных побуждений и искренне веря, что ничего плохого вовсе и не делают. Так, немножко шьют... Ибо благими намерениями известно, куда дорога вымощена. По крайней мере в России.

Введение в проблему: На кой оно нам надо

В каком соотношении интересы региональных и внешних игроков совпадают с интересами ищущей собственный путь России? Нужно ли России участвовать во всех миссиях, куда её приглашают? С кем, против кого и по каким правилам приходится Москве играть на Ближнем и Среднем Востоке? Кто в регионе для России союзник и партнёр и есть ли у неё на Ближнем и Среднем Востоке союзники и партнёры? На кого в регионе опирался Советский Союз – и кто они для России сегодня: соратники или попутчики, шанс на будущее или гирия на шее?

Россия на протяжении всей своей истории была пограничной территорией между Европой и странами Ближнего и Среднего Востока. Её становление как империи произошло благодаря продвижению на юг и восток. Соседство, соперничество и торговля с миром ислама создали уникальную систему взаимоотношений, сформировав евроазиатскую цивилизацию, в равной мере отличающуюся от обоих её источников. Именно о ней отечественные политики, историки и философы так часто говорят, не слишком задаваясь вопросом, что она представляет собой на самом деле.

Россия включила в свои границы значительную часть территорий, входивших до того, как стать её провинциями, в состав или в сферу влияния исламских империй БСВ. Некоторые из них она поглотила полностью, другие – частично, унаследовав, помимо прочего, исторические конфликты между этими территориальными образованиями и населявшими их народами. Большинство этих народов в итоге оказались по разные стороны государственных границ, в странах, часть которых относится сегодня к исламскому (Турция, Афганистан, Иран, арабские страны), а часть – к неисламскому (Россия, Израиль и Китай) миру.

Российское завоевание Кавказа спровоцировало исход чеченцев и черкесов, образовавших многочисленные военные поселения в арабских провинциях Османской Порты. Распад Российской империи позволил Турции вернуть под свой контроль территории Восточной Анатолии и Причерноморья, находившиеся в составе Российской империи с 1878 года, изгнав и уничтожив составлявших значительную часть их населения армян и греков.

В бывшей турецкой, а затем британской Палестине русские евреи построили Государство Израиль, получившее дополнительный приток населения из СССР после начала «разрядки» в 70-х годах, когда из Советского Союза была разрешена массовая эмиграция. Продолжая эту традицию, после распада СССР в Израиль прибыла более чем миллионная «большая русская алия», около трети которой составляли этнические неевреи.

Большая часть многочисленных русских эмигрантов в Иране и Турции в период, следовавший после Гражданской войны, ассимилировались, войдя в состав титульных этносов. Небольшие русские общины в Ливане, Палестине, Тунисе и Марокко постигла та же участь. Афганистан и Саудовская Аравия приняли значительные группы населения, бежавшего в ходе подавления басмачества из советизированной Центральной Азии. Часть «совграждан» попала на территории, ставшие вскоре Пакистаном, в процессе формирования армии Андерса из бывших польских граждан, оказавшихся в пределах СССР в результате раздела Польши между Берлином и Москвой в 1939 году.

Отдельно можно говорить о «совжёнах», число которых в странах БСВ составило десятки, а их детей – сотни тысяч. Наконец, с начала 90-х годов появились (на Кипре, в

Израиле, Турции, Египте и ОАЭ) группы постоянно живущих в регионе выходцев из России (а также других стран постсоветского пространства, как правило, составляющих с ними за пределами этих стран единый социум), занимающихся частным бизнесом, работающих на местные компании или купивших недвижимость в «стране пребывания».

Особую категорию людей с российским гражданством (и гражданством других постсоветских республик) в странах БСВ составляет исламистская эмиграция: люди, уехавшие из проблемных регионов Северного Кавказа – в первую очередь Чечни, учащиеся исламских университетов и медресе (часто – живущие вместе с семьями), боевики, участвующие в джихаде в Сирии, Ираке и Афганистане. Эта группа замкнута сама на себя и на радикальные исламистские круги региона – в первую очередь монархии Залива и Турцию.

На территории России сегодня живут сотни тысяч выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока. Крупнейшей по численности группой являются израильтяне – бизнесмены, представители свободных профессий, учёные и менеджеры отечественных корпораций.

Афганская община – наследие 80-х годов и гражданской войны в Афганистане. Арабская (крупнейшее землячество которой составляют сирийцы) сформирована большей частью из бывших студентов, осевших в России после женитьбы и получения российского гражданства, значительно пополнилась после начала в Сирии гражданской войны. Часть курдов и ассирийцев – потомки эмигрантов дореволюционных времён, полностью ассимилировавшихся в СССР, но не получивших советских паспортов. Другие обосновались в стране во второй половине XX века. Турецкая община сформировалась в 1990–2000-е годы из бизнесменов и сотрудников турецких компаний, работавших в России.

Как правило, все они являются естественным мостом между страной происхождения и Российской Федерацией, играя активную роль в налаживании двусторонних и многосторонних отношений, хотя некоторые представители этих общин играют существенную роль в организации нелегальных финансовых потоков, наркотрафике, контрабанде и торговле живым товаром. В 90-е годы арабских экспатов использовали для организации джихада против России исламисты из стран БСВ – практика, исчерпавшая себя в 2000-е, после налаживания оперативной работы отечественных силовиков.

Составляющая миллионы человек трудовая миграция в Россию из постсоветских государств Закавказья и Центральной Азии имеет к БСВ лишь косвенное отношение. В то же время фактическая прозрачность границ (в первую очередь с Афганистаном и Турцией) и безвизовый режим ближневосточных государств с некоторыми из этих республик позволяют использовать выходцев из них для распространения наркотиков и радикального ислама.

Личные контакты российского руководства с лидерами стран БСВ и наличие общих долгосрочных политических и экономических интересов позволяют купировать часть этих проблем на ранней стадии. Можно отметить, что попытки усиления влияния, которые Иран предпринимает в Армении, Таджикистане и Азербайджане, не конвертируются в укрепление его позиций в России, а в последнем случае скорее ослабляют эти позиции, учитывая значительные разногласия между Баку и Тегераном. Это же касается политики Турции в Азербайджане и Центральной Азии.

Эпоха военной экспансии России на БСВ закончилась в конце 80-х годов войной в Афганистане. Сегодня там воюют другие. Насколько успешно и какие это создаёт проблемы в самом регионе и у его соседей – особый вопрос. Преимуществом современной России является прагматичность руководства страны и его дистанцированность от непосредственного участия в нарастающих на Ближнем и Среднем Востоке конфликтах. Опыт разрыва отношений с Израилем в 1967 году доказал спорность ставки на одну сторону, вне зависимо-

сти от того, какую именно. Впрочем, похоже, что Сирия с осени 2015 года стала тем местом, где возродилась активная ближневосточная политика Москвы.

Основным торговым партнером России в регионе является Турция, по крайней мере пока. Важнейшим стратегическим партнёром в противостоянии исламистскому терроризму и в модернизации страны – Израиль. Главным союзником в борьбе с распространением афганских наркотиков и салафитского радикализма – Иран.

Арабские монархии – основной конкурент России по экспорту нефти и природного газа на европейский рынок и главный источник организации и финансирования исламистского джихада на Северном Кавказе, но потенциальный инвестор (в теории) и рынок сбыта военно-технической продукции (на практике). Авторитарные арабские республики – партнёры в противостоянии с исламистами, заинтересованные в военно-техническом сотрудничестве и торговле с Москвой.

Москва поддерживает по мере возможностей отношения с Западом – источником инвестиций (до кризиса 2014 года, спровоцированного США и ЕС под предлогом вмешательства РФ в события на Украине) и рынком сбыта российских энергоносителей. Россия стремится дистанцироваться от проблем, которые военно-политические провалы в Ираке, Афганистане, а также поддержка «Арабской весны» навлекли на ЕС и США.

Неосмотрительно поддержав Запад в ООН в отношении Ливии, результатом чего стала интервенция, распад этой страны, убийство её лидера Муаммара Каддафи и превращение Ливии в территорию неконтролируемого транзита нелегальных эмигрантов из Африки и стран БСВ в Европу, Россия воздерживается от автоматической поддержки западных инициатив, а в случае Сирии последовательно блокирует их в ООН.

При этом Россия не ввязывается в обычное для СССР лобовое противостояние с Западом, которое традиционно инициировалось режимами БСВ, а по таким вопросам, как сирийская химическая или иранская ядерная программа, выступила единым фронтом с «мировым сообществом», расходясь со странами западного блока лишь в частности. Подписание в июле 2015 года соглашения «шестёрки» переговорщиков с Ираном без активного участия Москвы не было бы возможным.

Присутствие России в G-8 до украинского кризиса 2014 года и начала по инициативе администрации президента США Барака Обамы новой холодной войны и в G-20 позволяло ей координировать ближневосточную политику с государствами развитого мира теснее, чем когда бы то ни было в период после Октябрьской революции. Переориентация отечественной политики на БРИКС и ШОС в рамках «разворота на Восток» стала ответом на антироссийский курс стран НАТО и ЕС.

В то же время это именно российская политика, и с этим связаны её расхождения с политикой США и ЕС, в основном объективные, хотя иногда имеющие личностную или ведомственную основу. Объективны в данном случае, по мнению автора, жёсткая критика ситуации в Сирии, Ираке, Афганистане и Ливии, негативное отношение к давлению на Иран, повышенное внимание к ситуации в ядерном Пакистане.

Дестабилизация и радикальная исламизация арабских стран, победа талибов и рост производства наркотиков в Афганистане, деятельность Саудовской Аравии и Катара как центров обеспечения и координации радикальных исламистов на Северном Кавказе и в других российских регионах, перспективы утечки за пределы Пакистана составляющих его ядерного комплекса относятся к главным ближневосточным угрозам России. Это же можно сказать об опасности радикальной исламизации Центральной Азии и надвигающейся из Афганистана «Центрально-Азиатской весне».

В то же время отечественные инициативы на Ближнем и Среднем Востоке, как правило, имеют инерционный характер – по крайней мере за пределами непосредственной сферы интересов президента Путина. Часть этих инициатив связана с традицией внешнеполитических ведомств и международных организаций, не имеющей отношения ни к российским интересам, ни к региональной реальности. Именно к этой категории относятся ближневосточное урегулирование, многочисленные конференции по правам человека и миротворческие миссии ООН, а также вопрос безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

Нужно отметить, что российские интересы в регионе, в том числе в вопросах транзита энергоносителей Прикаспия и Центральной Азии, более или менее вежливо игнорируют не только конкуренты, но и партнёры Москвы, включая Турцию, Азербайджан и Туркменистан. Мировой экономический кризис временно повысил интерес «мирового сообщества» к России как источнику финансов – до введения в её отношении санкций США и ЕС. Успешные попытки втянуть российское руководство в затратные проекты проводила Турция – в свою энергетическую инфраструктуру (АЭС «Аккую» и «Турецкий поток»). Хотя эти проекты могли стать (но не стали – деньги всему голова!) жертвами обострения отношений Москвы и Анкары после уничтожения турецкими ВВС российского самолёта в ноябре 2015 года.

Лоббирование арабских стран и Ирана включает преимущественно сферу поставок вооружений и военной техники и активно поддерживается профильными отечественными ведомствами. При этом поставки оружия, запчастей и комплектующих Ливану, Сирии и Ирану, как правило, сопровождаются возражениями Израиля, столь же традиционными, сколь бесполезными – за редкими исключениями. С другой стороны, «ядерная сделка» с Ираном «шестёрки» позволила реанимировать поставку Тегерану С-300, а угроза воинскому контингенту ВКС РФ в Сирии со стороны Турции привела к поставке в Латакию комплекса С-400.

В то же время контакты на высшем и среднем уровнях российского истеблишмента с руководством стран региона создают систему сдержек и противовесов, в достаточной мере напоминающую построенную странами западного мира. Именно эта система наряду с геополитической и экономической реальностью, корпоративными и ведомственными интересами, фобиями, стереотипами, а также личными предпочтениями и наработанными системами связей и создаёт то, что можно назвать отечественной ближневосточной политикой. Причём в ряде случаев, наиболее явными из которых стали провалы России в Катаре и Турции, политика эта, при всей её взвешенности, торпедируется волюнтаризмом местных лидеров.

При этом политика России на БСВ мало чем похожа на последовательную советскую – в чём можно найти и положительные и отрицательные стороны. Она не повторяет и не может копировать её, по определению. Необходимых для этого резервов – технических, финансовых и кадровых – сегодня не существует не только у Москвы, но и у всех вместе взятых стран Запада, Китая, Индии, государств Юго-Восточной Азии, Кореи и Японии, которых всё, происходящее на Ближнем и Среднем Востоке, так или иначе, касается. Новое время – новые песни...

За время, прошедшее с 60–80-х годов – пика региональной активности СССР, произошёл не только распад социалистической системы и нашей собственной страны. Сам регион изменился коренным образом. Численность его населения выросла в разы. Проблемы увеличились на порядок. Элита деградировала. Конфликтный потенциал реализовался в войнах и внутренних столкновениях, последствия которых сопоставимы с проблемами, возникшими в Европе по окончании Второй мировой войны.

Однако БСВ, за немногими исключениями, не обладает и в обозримой перспективе вряд ли будет обладать промышленной, интеллектуальной и аграрной базой, которая позволила возродить послевоенную Европу. Сегодня скорее следует ждать нескольких десятилетий государственных переворотов, революций, этнических и конфессиональных чисток, гражданских войн и межгосударственных конфликтов там, где отечественные специалисты строили металлургические заводы и плотины...

Поставки отечественной военной и гражданской техники остались памятником активности нашей страны в арабском мире второй половины XX века. Кстати, именно эти мега-проекты в значительной мере обанкротили Советский Союз, подготовив его распад. По самым приблизительным подсчётам, страны «социалистической ориентации» и государства «третьего мира», большая часть которых располагалась на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, остались должны Москве более \$ 160 млрд – значительно больше, чем весь внешний долг СССР и России.

Особая история – долги по военно-техническому сотрудничеству. Не существует ни одной ближневосточной страны, бывшей партнёром СССР, которой российскому руководству не пришлось бы списывать в новейшее время многомиллиардные долги с тем, чтобы начать с ней сотрудничество «с чистого листа». Трудно сказать, насколько это было оправданно – разве что оправданием служит то, что денег России всё равно никто бы никогда не вернул. Однако бескорыстие такого рода хорошо лишь до определённых пределов, и пределами этими, безусловно, являются стратегические интересы России.

Присутствие на Ближнем и Среднем Востоке «любой ценой» ещё можно было оправдать в период глобального противостояния сверхдержав, когда соперничество идеологических систем могло перерасти в военное противостояние. Задача эта перед Российской Федерацией более не стоит. Сегодня её безопасность зависит от положения на постсоветском пространстве – в Закавказье, Центральной Азии и на Украине, – в куда большей мере, чем от ситуации на БСВ. Вопрос вопросов при этом, зачем и по каким именно направлениям расходовать ограниченные ресурсы страны.

Вложения Китая окупаются всегда и везде. Европы и США – почти всегда. Да и размеры этих ресурсов несравнимы с отечественными. Для того чтобы не проигрывать в соревновании с конкурентами, России в первую очередь нужно научиться считать. Что, разумеется, опечалит появившихся в 90-е годы лоббистов, в том числе работающих в структурах, задача которых сводится к реализации малоосмысленных, но хорошо обоснованных перед начальством внешнеэкономических инициатив.

Второй, ещё более важной, задачей является умение трезво оценивать происходящее в той или иной стране, просчитывая политические риски не менее тщательно, чем экономические. Хотя пока что и в отношении экономических расчётов у действующего российского руководства плоховато... чтоб не сказать плохо. О чём свидетельствует вся история современных отношений России с той же Турцией – от вышеупомянутой АЭС «Аккую» до «Турецкого потока». То есть отечественная политика вечно забегает вперёд экономики и путается у неё под ногами, отчего обеим плохо...

Удастся ли России перебороть указанные минусы – вопрос, осложняемый тем, что для страны характерны высокая коррупционная составляющая, неэффективность бюрократии, засилье неповоротливых и затратных государственных корпораций, непрозрачность финансовых схем и низкая исполнительская дисциплина, недостаточный профессиональный и образовательный уровень менеджмента, включая высшее и среднее звено, а также снижающийся интеллектуальный и технологический потенциал.

Всё это превосходно понимают арабские, турецкие, иранские, израильские, пакистанские и афганские партнёры России, часто рассматривающие сотрудничество с нашей страной исключительно в ситуациях невозможности работы с Западом или государствами Азиатско-Тихоокеанского региона – как своеобразную приманку для конкурентов Москвы.

СССР на протяжении своей истории опирался в регионе на различные силы. В первой половине прошлого столетия это были коммунистические и «прогрессивные» партии и движения – еврейские и арабские, а также «народы и страны, борющиеся против колониализма и империализма». Так, Турция, Иран и Афганистан в период обновления государственности в XX веке получили поддержку Москвы. Как следствие, союзниками СССР оказались – или называли себя таковыми – самые разные, часто борющиеся между собой не на жизнь, а на смерть силы, конкурировавшие за дотации, военную и политическую поддержку советских патронов.

Выбор между берберами и арабами, евреями и арабами, курдами и арабами, эфиопами и сомалийцами, коммунистами и буржуазными националистами, в число которых входили иракские и сирийские баасисты, афганскими парчамистами и халькистами составлял головную боль МИДа, международного отдела ЦК и спецслужб на протяжении всей истории СССР. Как правило, этот кроссворд решался исходя из текущей целесообразности, линии партии на данный момент, интриг партийного и государственного аппарата, склонностей конкретных чиновников и уровня начальственного волюнтаризма. И тут ещё большой вопрос, что именно в первую очередь сказывалось на конечных решениях.

На то, кого именно, как и в какой степени поддерживать, могли влиять и влияли отношения между руководителями и их ведомствами. А мнение профессионалов хоть и запрашивалось, но даже в важнейших вопросах зачастую игнорировалось, как это было в ситуации разрыва дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны 1967 года или ввода советских войск в Афганистан в 1979-м, против которого дружно возражали все специалисты, имевшие отношение к этой стране. Что ничуть не повлияло на престарелых Брежнева, Андропова и Устинова, принявших судьбоносное для СССР решение, что называется, «на троих».

«Союзники» СССР при этом использовали Москву, подставляли ее, шантажировали, а иногда и открыто предавали – как Ясир Арафат в ходе ливанской гражданской войны, и непрерывно пытались втянуть в свои междоусобные конфликты или столкнуть с Западом. При необходимости они мгновенно забывали об объявленном ради советской поддержки курсе на «социалистическую ориентацию».

Во всяком случае, это раз за разом происходило, когда у них возникал шанс с выгодой конвертировать отказ от этой ориентации в отношения с европейскими столицами и Вашингтоном или переориентироваться на Пекин. А то, что ради смены курса им приходилось поголовно уничтожать местные компартии, ни в регионе, ни за его пределами никого особенно не удивляло и не смущало.

Многие из этих стран покинули советскую внешнеполитическую орбиту ещё в период расцвета военно-политической мощи СССР. Ни одно из государств региона, поддержка которых обошлась Советскому Союзу в миллиарды и десятки миллиардов долларов, не поддержало Москву в момент кризиса и распада страны.

Алжир, Ливия, Египет, Судан, Сомали, Южный Йемен, Сирия, Ирак, Афганистан, Фронт ПОЛИСАРИО, ООП и множество других движений и фронтов – мартиролог советской военно-политической стратегии на БСВ. Гордиться тем, что СССР сделал для этих стран и «прогрессивных» движений, можно – сделано было на самом деле немало. Толку-

то что? Не для них – для них толк был. А для нас? Понимая под этим собирательным «нас» хоть СССР, хоть нынешнюю Россию?

Кстати, сегодня мало кто помнит, что СССР в своё время прагматично поддерживал не только национально-освободительные движения и режимы «социалистической ориентации», но и сторонников «чистого ислама». Присутствие делегации советских мусульман в 1926 году на территории, позднее ставшей Саудовской Аравией, легитимировало претензии Абдель-Азиза ибн-Сауда на высшую власть в мире ислама.

Именно тогда была сформирована структура, на базе которой позднее возникла Организация исламская конференция (современная Организация исламского сотрудничества). Кто бы за это в современной Саудовской Аравии был Москве хоть на йоту благодарен...

В свою очередь, Советский Союз использовал ваххабитов (которые, впрочем, не любят это название, восходящее к имени ибн-Ваххаба, называя себя салафитами) в борьбе с басмачами на Кавказе и в Центральной Азии. Поскольку салафиты считали и по сей день считают суфиев еретиками, а в этих регионах был распространён именно суфийский ислам, они с готовностью помогали тогдашнему советскому руководству против его врагов из числа мусульман, имея долгосрочные планы – сегодня оправдывающиеся. Салафитские общины растут и множатся на Кавказе и в Центральной Азии, а также на территории современной России, как грибы.

Сохранившаяся переписка ибн-Сауда со Сталиным представляет собой интереснейший образчик ближневосточного макиавеллизма. Впрочем, в период советской оккупации Афганистана Саудовская Аравия, с 40-х годов XX века переориентировавшаяся на США, вступила с СССР, при прямой или косвенной поддержке всего исламского мира и Запада, в жёсткую конфронтацию, завершившуюся на рубеже веков поддержкой сепаратистов в российской Чечне и терактами во внутренних российских регионах. После чего полагать её потенциальным партнёром России, невзирая на многочисленные авансы, не приходится.

В настоящее время террористическая деятельность против России напрямую Эр-Риядом почти не финансируется. Преодолимпийские «Волгоградские теракты» 2013 года, которые эксперты расценили как «сигналы», посланные руководству России тогдашним главой саудовского Управления общей разведки принцем Бандаром бин-Султаном, скорее исключение из правила. Во всяком случае, после его отстранения от занимаемой должности непосредственная террористическая деятельность группировок, ориентирующихся на Эр-Рияд, в России прекратилась – не исключено, только временно.

Впрочем, есть ещё и салафитский Катар – на момент написания этих слов главный спонсор вытесненного за пределы России «Имарата Кавказ», считающихся отечественной прокуратурой террористами «Братьев-мусульман» и далеко обогнавшего просаудовскую «Аль-Каиду» по уровню средневекового зверства, влиянию и денежной состоятельности «Исламского государства». Именно эта страна, по мнению ряда экспертов, отвечает за взрыв российского авиалайнера с туристами на Синае осенью 2015 года.

Центр исламистского джихада пока перенесён в Афганистан, Ливию, Сирию и Ирак. Однако долго ли сохранится состояние такого «полуперемирия» России с государствами, инструментом проведения в жизнь международных амбиций которых является терроризм, неясно.

Как известно по теракту «9/11», на Ближнем Востоке изменение позиции на 180 градусов – правило, а не исключение из правил. Соединённые Штаты испытали это на себе в

полной мере. Вряд ли Россия может рассчитывать на лучшее к себе отношение, несмотря на явное заигрывание с ней местных лидеров, запутавшихся в собственных интригах.

Доносящиеся из региона призывы к восстановлению роли России на Ближнем и Среднем Востоке стоит воспринимать критически. Они преследуют простодушно-эгоистические цели добиться поддержки местных движений и их лидеров, такие же как обращения к СССР их предшественников в критические для тех моменты.

Им всем всегда нужно на кого-нибудь опереться, кем-то прикрыться и кого-то, да простят автора читатели за «вульгаризм», доить. Не случайно Россия интересуется местных игроков исключительно с того момента, как она восстановила свою финансовую состоятельность и военно-политическую независимость, отказавшись от односторонней ориентации на следование в фарватере Запада.

Военные и ядерные технологии, инвестиции и политическая поддержка, в том числе в Совете Безопасности ООН, для всех них не более чем способ извлечения прибыли из амбиций и иллюзий отечественных ведомств. Благо амбиций и иллюзий там хватает, а в последнюю четверть века к ним прибавились ещё и наработки в части личного обогащения за счёт «распила» бюджетных средств. Не слишком оптимистичный, но реальный вывод из того, что происходит и, похоже, будет происходить в обозримой перспективе с российскими партнёрами и российскими контрактами на БСВ. Впрочем, уговорить бы ещё начальство, что дело обстоит именно так, как оно на самом деле обстоит...

Часть I

Геополитика

Что такое Ближний и Средний Восток? Каковы действующие в регионе системы управления? Что представляют собой с этой точки зрения страны и территории, из которых он состоит? Где корни местных систем власти и в каких отношениях эти системы находятся между собой? Что такое «Арабская весна», и какая демократизация возможна в арабском мире? Как меняется внутрорегиональное соотношение сил на БСВ? Кто рвётся к власти кто её теряет? Что стоит за сменой режимов, которую мы наблюдаем в регионе сегодня? Что ждёт регион в ближайшем будущем и в будущем отдалённом? Как сказывается демография на изменяющемся соотношении политических сил?

Глава 1

Кто в теремочке живёт?

Что представляет собой сегодня Ближний и Средний Восток? Историческая канва формирования этой устоявшейся геополитической общности знакома каждому школьнику: путь, по которому первые люди вышли из Африки, родина земледелия и скотоводства, первые города и первые цивилизации. Египет и хетты, Хараппа и Мохенджо-Даро, шумеры и Элам, Ассирия и Вавилон, Иудея и Израиль. Это раз.

Персидская империя и Александр Македонский, Рим и Карфаген, Аксум и Мероэ, Парфия и Эфиопское царство, Византия и Йемен. Арабский Халифат и Чингисхан, Тимур Хромой и Иран, Сельджуки и Османская Порта, Великие Моголы и мамелюки. Крестоносцы, португальцы, испанцы, Ост-Индийская компания. Надир-шах, Наполеон, Ататюрк, Роммель, Черчилль. Бен-Гурион, Насер, Асад, Саддам, Каддафи, бен-Ладен, аль-Багдади. Это два.

Тегеранская конференция, Шестидневная война, Война Йом-Кипура, раздел Кипра, война в Огадене, исламская революция в Иране, ирано-иракская война, советская оккупация Афганистана, иракская оккупация Кувейта, война в Заливе, американская оккупация Афганистана, война в Ираке, превращение Ливии в «бывшее государство», гражданская война в Сирии, кризис беженцев, российско-турецкое противостояние. Это если о недавнем и совсем недавнем прошлом, а также настоящем.

Геноцид армян, изгнание греков, геноцид в Дарфуре, проблема курдов, проблема берберов, палестинский вопрос, геноцид курдов-йезидов (кто бы о них на Западе вспомнил, не говоря о том, чтобы помочь). Дехристианизация Ближнего Востока. Гражданская война в Алжире, распад Сомали, раздел Судана. «Арабская весна» – может быть, лучше назвать её осенью или зимой арабского мира? «Аль-Каида», «Аль-Каида Магриба», «Аш-Шабаб», «Боко харам», сомалийские пираты, ХАМАС, талибы, «Хизбалла», «Исламское государство»...

Шесть тысяч лет цивилизации. Родина алфавита и архитектуры, сельского хозяйства и астрономии, математики и медицины – в том понимании, как мы говорим о них на Западе, частью которого в цивилизационном плане Россия, безусловно, является. Триада авраамических религий: иудаизм, христианство и ислам, две из которых: христианство и ислам, стали религиями мировыми. Плюс множество религий региональных – те же зороастризм или бахаизм. Плюс много чего ещё.

Во времена своего расцвета сменявшие друг друга империи, включавшие часть или большую часть нынешнего БСВ, охватывали Западную Европу (Рим), Восточную Европу (Османская Порта), Закавказье (Порта и Иран), Центральную Азию и Китай (Чингизиды и Тимур), Индию (Моголы). Побережье Индийского океана, острова Юго-Восточной Азии, внутренняя Африка и Балканы, Средиземноморье и речные долины Евразии были связаны с Ближним и Средним Востоком на протяжении тысячелетий.

Настоящая книга не предполагает рассказа о том, почему крупнейшим исламским государством мира является расположенная на стыке Тихого и Индийского океанов островная Индонезия, а мусульманское население Индии или Нигерии превышает число жителей абсолютного большинства стран исламского мира. Автор искренне сожалеет об этом, но объём её ограничен и всего, что можно было бы и хотелось бы рассказать читателю, в одну книгу

не уместить. Тем более что информацию эту в нынешние времена сплошной компьютеризации найти несложно – если знать, что искать.

Автор вынужден почти полностью игнорировать исключительное лингвистическое, этническое и конфессиональное разнообразие, скрытое под этнонимами «арабы», «турки» или «персы», лишь вскользь коснувшись проблемы племён, которой в западном мире давным-давно не существует, а на БСВ именно она составляет стержень многих конфликтов, влияя на вопросы войны и мира, межгосударственных отношений и границ. При том что проблема меньшинств зачастую даёт ключ ко многим проблемам региона, и понимать хотя бы, что она на деле существует, абсолютно необходимо.

В книге не будет упомянуто или будет упомянуто вскользь огромное множество любопытнейших тем, каждая из которых заслуживает детального рассмотрения. Автор посыпает голову пеплом и приносит все и всяческие извинения читателю, но он вынужден будет пройти мимо массы вопросов, разбор которых мог бы заинтересовать читателя и составить для него интерес – но превратил бы эту книгу в энциклопедию.

Десять-пятнадцать лет кропотливого труда сплочённого и работоспособного коллектива, включающего несколько десятков ближневосточников мирового класса, необходимы, чтобы энциклопедия такого рода была составлена. И если она увидит свет, то, несомненно, станет бестселлером. Но до сих пор мир жил без этой книги и проживёт без нее ещё немного. Автор может лишь надеяться, что он её увидит при своей жизни. Надежда вообще умирает последней.

Упомянем лишь, что Ближний и Средний Восток – это территория, на которой то, что составляло основу провинций или стран, на которые он делится, сотни и тысячи лет назад, парадоксальным образом может быть живо и сегодня. Отчасти потому, что география подвержена изменениям в минимальной степени и, как и в Европе, на БСВ это фактор, как сказал бы, гассируя, Владимир Ильич Ленин, «наи’важнейший». Хотя и напрочь игнорируемый современными кабинетными исследователями, которые «в поле» не бывали отродясь, ориентируясь по картам, которые были составлены не ими.

Земледельческие государства исторически складывались вокруг речных долин. Оплотом кочевых империй были степи и горные пастбища. Острова и полуострова становились центрами империй морских. Пустынные оазисы и горные плато на торговых путях давали приют городам и храмовым центрам. Морские бухты служили убежищем для торговцев и пиратов. Горные хребты и пустыни превращались в непроходимые барьеры между народами. Так происходило на протяжении веков и тысячелетий, и именно география в огромной мере ответственна за то, что мы находим на том или ином месте в ту или иную эпоху.

До самого конца XX века, когда глобализация открыла для окружающего мира многие ранее недоступные территории, природа была главным фактором, определявшим параметры жизни людей. Менялись языки и религии, завоеватели растворялись в коренном населении или ассимилировали его в своей среде, империи объединяли независимые царства и окружавшие их племена и распадались, военные поселенцы превращались в этнические группы. Однако только в редких случаях природных или спровоцированных человеком катастроф цивилизация изменялась в корне или полностью исчезала.

Море могло отойти, превратив процветающий порт в провинциальный город (в Европе наиболее известные примеры этого – Брюгге и Равенна), извержение вулкана и цунами – уничтожить царство (Крит), война – разрушить экосистему (Хорезм) не менее гарантированно, чем наступление пустыни из-за изменения климата (Сахара) или деятельности человека (Мероэ). Но в большинстве своем человеческие социумы и созданные ими институты

поражают своей устойчивостью. И регион, рассматриваемый на страницах представленной вниманию читателя книги, даёт тому массу примеров.

Все основные «силовые центры» БСВ на протяжении тысячелетий оставались и продолжают оставаться на своих местах. Причём соотношение их военно-политического и экономического веса и общие направления соперничества остаются неизменными. Именно поэтому мы находим Турецкую Республику на месте Оттоманской Порты, которое до неё занимала Византия, а когда-то давным-давно – хетты. Исламскую Республику Иран на месте Ирана Сасанидов, Парфии Аршакидов, Персии Кира или изначальных Мидии и Элама.

Современное Государство Израиль построено там, где когда-то 12 еврейских племён – «колен Израилевых» – создали библейские Иудею и Израиль. Тунис именно потому не часть Ливии или Алжира, что это самый что ни на есть исторический Карфаген. И жители его в огромной мере отличаются от своих соседей. Ливан с его вечной гражданской войной не стал провинцией «Великой Сирии», о которой до сих пор, хотя и в куда меньшей степени, чем до начала гражданской войны, говорят в Дамаске, потому что он – прямой наследник Финикии с её вечно враждующими городами-государствами.

Марокко и Алжир сменили на современных картах античные Мавританию и Нумидию. Благословенная Аравия времён царя Соломона и царицы Савской превратилась в иссушенный солнцем Йемен, раздираемый межплеменной войной. Бывшая океанская пиратская империя – Султанат Оман – потеряла остров Занзибар и белуджский Гвадар, отошедшие Танзании и Пакистану, но в корне отличается от всех своих соседей. Став Саудовской Аравией, захолустный Неджд завоевал Хиджаз с его священными городами, изгнав на север Хашимитов.

Ирак разрывается между шиитами, суннитами и курдами, как когда-то Двуречье было разделено между шумерскими городами-государствами, Ассирией и Вавилоном. Состояние дел на границах Арабской Республики Египет с Ливией, Суданом, Газой и Израилем, как это ни парадоксально, напоминает об отношениях Древнего Египта с царством Куш, народами моря и гиксосами. Не случайно его президента часто почти в шутку называют фараоном...

Таких параллелей множество, и они относятся не только к самому региону, но и к его соседям – ближним и дальним. Что с того, что на месте Римской республики и Римской империи сегодня находятся Соединённые Штаты? Так ли велика для БСВ разница между империей Чингисхана и СССР? Китаем династий Мин и Тан и Китайской Народной Республикой? Индией Ашоки и Индией Индиры Ганди или Нарендры Модии?

По форме – ничего похожего. По сути – никакой разницы. Разве что мир сузился и путешествие, сто лет назад занимавшее месяцы, а две-три сотни лет назад – годы, сегодня удаётся совершить за несколько часов. Глобализация, эти её в качель...

Но если вернуться к сути дела, читатель, то Ближний и Средний Восток этой книги, согласно классической схеме, которой автор по мере сил придерживается, включает арабский мир, неарабские исламские страны и неисламских регионалов. В арабский мир входят: Магриб (арабский Запад – Северная Африка до Египта), Машрик (арабский Восток – Египет, Левант, Аравийский полуостров и Двуречье), арабо-африканский Судан и страны Африканского Рога.

Неарабские исламские страны – это Турция, Иран, Афганистан и Пакистан (именно три последние страны являются Средним Востоком). Греко-турецкий Кипр и еврейско-арабский Израиль входят в регион, не являясь исламскими. Но рассматривать БСВ без них, как часто делает ангажированная исламская пресса, абсолютно бессмысленно. Игнорировать

Израиль на бумаге можно. Не упоминать его в книгах и не ставить название на картах можно. Но очень уж глупо. Вот и не будем следовать дурным примерам.

В состав Магриба входят: Марокко (с оккупированной им Западной Сахарой), Алжир, Тунис и Ливия, а в состав так называемого Великого Магриба – ещё и Мавритания. Засим, поскольку внутриарабские дразги имеет смысл учитывать, но, находясь в России, не стоит на них ориентироваться, о Мавритании мы говорить будем. Африканский Рог – традиционное наименование исламской (по большей части) периферии сокращающейся Эфиопской империи. В его состав для нас входят Эритрея, Джибути и Сомали. Эфиопия же, при всём величии её цивилизации, периферия БСВ, и о ней мы говорить не будем.

В учёном мире не решён вопрос, включать ли в БСВ Эритрею, или эта бывшая итальянская колония и столь же бывшая эфиопская провинция – Африка чистой воды. Автор её в состав Ближнего Востока включает, полагая Эритрею частью региона, близкой своим исламским соседям и откровенно враждебной Эфиопии, и в этом качестве не видит особой разницы между ней и тем же Сомали. Благо отношения, которые эта страна строит с Йеменом и Ираном, Саудовской Аравией, ОАЭ и Суданом, – самые что ни есть ближневосточные. Да и с Израилем её, как это ни парадоксально, связывает немало.

Машрик для арабов и вслед за ними для британской академической школы заканчивался там, где начинались североафриканские пустыни и суданская саванна – мир берберов и Чёрная Африка зинджей. Употребление последнего наименования, с точки зрения популярной в западном мире политкорректности, так же некрасиво, как называть американских негров неграми, а не афроамериканцами. Но автор не политкорректен, и книга издана не в США. Поскольку тамошняя цензура – точнее, самоцензура авторов и издателей – вещь столь же эффективная, сколь убийственная для настоящей науки.

Левант – это Иордания, Сирия, Ливан и Палестина, при всей спорности того, что есть Палестина, а что – Израиль. И спор этот по преимуществу – «евреев меж собою». Поскольку сами по себе палестинские арабы вовек бы не наворотили тот клубок противоречий, который вокруг них возник, без активного участия израильских политиков и евреев диаспоры.

Развязать этот «гордиев узел» невозможно – наличие отдельного, занимающегося только палестинцами агентства ООН так же мешает этому, как четыре «коспонсора мирного процесса»: США, ООН, ЕС и Российская Федерация. Разрубить в принципе можно, но брать на себя ответственность за этот шаг никто не хочет. Так и живут палестинцы с израильянами от теракта до теракта и от одной контртеррористической операции до другой.

Двуречье состоит из единственного государства – Ирака, по крайней мере до того момента, как он официально не распался, а на момент написания настоящей книги он ещё не распался. Хотя распадается необратимо. Благо демократизация БСВ то ли самим западным сообществом при подозрительно активной поддержке монархий Аравийского полуострова, не имеющих никакого отношения к демократии, то ли этими монархиями при поддержке купленного ими на корню западного сообщества похоронила в регионе почти все светские авторитарные режимы – и Ирак в первую очередь. Очень уж боялись его «заливники»...

Аравийский полуостров – «заповедник» монархий арабского мира. На самом полуострове монархическая система правления не существует лишь в Йемене (хотя до 60-х годов XX века действовала и там), а за его пределами королевствами являются только Иордания Хашимитов и Марокко Алауитов.

Находящиеся на этом «Острове Арабов» Королевство Саудовская Аравия, Султанат Оман и малые монархии Персидского залива: Объединённые Арабские Эмираты, Королев-

ство Бахрейн и Эмираты Катар и Кувейт, – составляют Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Он же ССАГПЗ.

Показательно, что Иордания и Марокко были приглашены в состав этой организации после начала в 2011 году волны падения арабских режимов, известной как «Арабская весна», что подчеркнуло возможность её трансформации из регионального объединения в «клуб арабских монархий». Причина была в том, что обе эти «классово близкие» к государствам ССАГПЗ суннитские (что особенно важно на фоне противостояния Саудовской Аравии и её соседей по Аравийскому полуострову с шиитским Ираном) страны, не имеющие к Заливу никакого отношения территориально, обладают хорошо подготовленными армиями.

Как оказалось, этот фактор значительно более важен для богатых и владеющих огромным количеством современной военной техники, с которой их собственные малочисленные армии не умеют толком обращаться, «заливников», чем география. Впрочем, оба упомянутых королевства от предложенной им чести дружно отказались и предпочли сохранить свободу манёвра, справедливо опасаясь быть втянутыми в чужие войны наподобие той, в которую «Аравийская коалиция» во главе с Саудовской Аравией оказалась вовлечённой в Йемене в 2015 году.

Обращаясь к новой истории, отметим, что до XVIII – начала XIX века на большей части БСВ царили две региональные империи: Турция и Персия. На Африканском Роге доминировали эфиопские негусы. Отдельные города и прилегающие территории региона с XVI века превращали в свои опорные базы португальцы и испанцы. С XVII столетия регион «трогали на прочность» голландцы, англичане и французы, чьи интересы продвигали пираты и не слишком отличавшиеся от них ост-индийские торговые компании.

Провинциальные правители «на местах» обладали значительной степенью автономии, были склонны к мятежам, вероломны, готовы отделиться в любой момент и покровительствовали пиратам, успешно действовавшим в Персидском заливе, Красном и Средиземном морях. Не слишком оптимистичное описание ситуации. Но именно турецкие султаны носили титул «повелителя правоверных», и лишь персидские шахи могли открыто соперничать с ними на границе, разделявшей две империи от Кавказа на севере до Персидского залива на юге. Впрочем, XVIII век изменил эту схему, а XIX её окончательно похоронил.

Раздел мира, в результате которого к началу XX столетия на карте БСВ осталось очень немного территорий, не закрашенных (разумеется, на отечественных картах – у соперников России устоявшееся сочетание их цветовых маркеров было другим) оливковым (Российская империя), зелёным (Британия) или сиреневым (Франция), начался с того, что голландцы, англичане и французы, вытесняя португальцев и испанцев, начали «осваивать» Индокитай и Индию, а Россия – турецкое Причерноморье и персидский Прикаспий. По результатам чего в Северной Африке Великобритания соперничала с Францией, а в Азии с Россией Романовых.

В настоящей книге мы не рассматриваем северную периферию региона, вошедшую в состав Российской империи и сохранившуюся в более или менее неизменных границах в составе единого государства со столицей в Москве до 1991 года. Эти постсоветские республики Закавказья и Центральной Азии к БСВ не относятся, хотя американская и британская востоковедные школы полагают их частью Большого Ближнего Востока.

К слову, к концу прошлого века британская, французская и испанская колониальные империи уже несколько десятилетий не существовали, а итальянская, построить которую пытался в начале XX столетия Бенито Муссолини, исчезла с карты на памяти его собственного поколения.

Возможно, когда-нибудь в будущем турецкими специалистами будет написана книга, рассматривающая Венгрию и Румынию, Грецию и прочие Балканы, Молдавию, Грузию и Армению, а также большую часть современной Украины, включая Крым, Одессу и историческую родину предков автора – город Сатанов, а также юг России, в том числе Сочи и Анапу, с точки зрения турецкой истории. Причём, судя по подъёму в Турции национализма имперского типа, написана она будет скорее раньше, чем позже. И прочитать её будет так же интересно, как взглянуть на украшающие её карты – там будет на что взглянуть.

Опять-таки не исключено появление труда, изучающего арабский мир, российский Дагестан, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан, да и значительную часть северо-западной Индии, с точки зрения истории Ирана. В конце концов, Иран тоже бывшая империя со своими амбициями и своей собственной ностальгией по историческому величию Персии, которую он исподволь реализует в настоящее время. Персидская империя занимала громадные пространства, существовала куда более длительный период, чем её турецкие и арабские соперники, и породила великую цивилизацию. Так что все основания для соответствующих амбиций у её наследников есть.

Не столь вероятно, но вовсе не исключено появление Казахстана и Киргизии в исследованиях по Китаю, который в своё время включил в свой состав Восточный Туркестан – нынешний Синцзянь-Уйгурский автономный район, уступив Российской империи и СССР Туркестан Западный. В конце концов, Ферганская долина во времена оно была Китаем, как и вся Киргизия, на территории которой в VIII веке во времена династии Тан родился великий китайский поэт Ли Бо. Чего ни в Астане, ни в Бишкеке вспоминать не любят – и, с точки зрения их собственной государственности, правильно делают.

Границы прихотливы и изменчивы, а история любит шутить. Кто знает, что представлял бы собой сегодняшний мир, если бы Николай II – фигура несчастная в личном плане и трагичная для страны, править которой он пытался, не имея для этого никаких способностей, не ввязался в две бессмысленные войны и не спровоцировал две революции, окончившиеся так, как они окончились? Развивалась бы себе Российская империя эволюционным путём, как Британская, и развивалась... Глядишь, до чего-нибудь и доэволюционировала бы без всей той кровавой мешанины, в которую ей пришлось погрузиться в XX столетии.

Кстати, сомнительно, чтобы на карте этого несостоявшегося мира – мира без Первой мировой войны – остались бы Турция, Иран и Китай. Равно как Турция, Иран, Корея и Япония не сохранились бы в нынешнем виде на карте мира после Второй мировой войны, если бы Сталин реализовал всё, им задуманное, не натолкнувшись на сопротивление Черчилля, поддержанное Трумэн с его атомной бомбой, опробованной на несчастных Хиросиме и Нагасаки. Но альтернативная история – не наша тема. Пускай её разрабатывают фантасты.

В реальной жизни к началу XX века Великобритания доминировала на той части сегодняшнего Большого Ближнего Востока, о которой мы будем говорить: БСВ российского (и во многом сохранившего его традиции советского) Генштаба. Египет и Судан, Северное Сомали – современный Сомалиленд и Аравийский полуостров, Двуречье и Палестина, Кипр и современный Пакистан были колониями, подмандатными территориями или другими путями входили в Британскую империю. Которая на их просторах до поры «разделяла и властвовала» как могла. Хотя и не столь долго, как надеялась.

Большая часть Магриба и французское Сомали – нынешнее Джибути, в это время принадлежали Франции. Ливия, Эритрея и Итальянское Сомали были колониями Италии. Современная Западная Сахара и часть Марокко, включая города Сеута и Мелилья, подчинялись Испании. Независимость сохраняли только Турция, Иран, Афганистан и аравийский

Неджд. Причём планы по разделу Турции и Ирана были более чем реальны. Хотя проблемный Афганистан, который никому не хотел подчиняться, оставался своеобразным буфером между Российской и Британской империями. Что до пустынного аравийского Неджда с его религиозными фанатиками, он, похоже, англичанам, уставшим бороться с махдистами в Судане, просто не был нужен.

Соответственно, давшая старт «миру без аннексий и контрибуций» и «покончившая с империалистической дипломатией» Великая Октябрьская социалистическая революция (или «большевистский переворот» – кому как удобней) 1917 года изменила ситуацию в корне. Она спасла Афганистан от постепенного превращения в российско-британский протекторат, а Иран от раздела между Россией и Великобританией по заключённому в Санкт-Петербурге соглашению 1907 года о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете (несостоявшегося раздела Ирана отечественным фантазёрам-геополитикам особенно жалко).

Именно благодаря событиям в революционном Петрограде в 1919 году Аманулла-хан провозгласил Афганистан независимым государством. Турецкая Республика благодаря Кемалю Ататюрку избежала раздела по Севрскому договору 1920 года (судя по результатам попыток России выстроить с Турцией в 2000 годах взаимовыгодный баланс отношений – совершенно напрасно). Неджд в том же 1920 году был полностью захвачен при поддержке англичан основателем саудовской династии Абдель Азизом ибн-Саудом. А в 1921 году власть в Иране перешла в руки будущего шаха, основателя последней иранской династии – Резы-хана Пехлеви.

Границы сегодняшнего БСВ – по большей части итог распада колониальных империй в 40–70-х годах XX века и пограничных войн между образованными на их территории независимыми государствами. Стабильность этих границ сегодня под большим вопросом. Точнее говоря, распад ближневосточной государственности идёт вовсю, принял значительные масштабы и необратимый характер. Признать это «мировое сообщество» пока никак не сподобится и, не исключено, так и не сможет до момента, когда будет поставлено перед фактом. Но это уже исключительно его собственные проблемы.

15 января 2011 года, когда на референдуме большинство населения Южного Судана проголосовало об отделении от Республики Судан, дало толчок сепаратистским настроениям на всём БСВ и значительной части Африки. И если раскол Судана признан «международным сообществом», почему Нигерия и Конго, Ирак и Сирия, Саудовская Аравия и Йемен, Афганистан и Пакистан должны оставаться в границах, согласованных в мировых столицах? На повестке дня передел региона, и это значит, что «Большая игра» – борьба за контроль над его ресурсами и коммуникациями – продолжается.

Прошедшая в 2010-х годах операция «Одиссея. Рассвет» по «принуждению к миру» ливийского лидера Муаммара Каддафи окончилась для Ливии крахом, а для Каддафи гибелью. Впрочем, для Европы победа над Ливией оказалась пирровой, открыв дорогу в страны Евросоюза миллионам нелегалов из Африки и стран БСВ. Помимо прочего, война НАТО и их арабских союзников против Ливии позволила проанализировать соотношение сил и тактику государств, движений и международных организаций, действующих на Ближнем и Среднем Востоке, и оценить текущую российскую ближневосточную политику с точки зрения соотношения амбиций и возможностей отечественных ведомств и организаций.

Провал российской политики в Ливии, основную ответственность за который нес тогдашний президент страны Д. А. Медведев, вызвал шквал критики изнутри страны. Как следствие, политики патриотического толка, справедливо полагающие недопустимой ситу-

ацию, когда позиция России и Китая в Совбезе ООН привела к интервенции НАТО, проникнуты понятной ностальгией по советским временам и полагают нужным попытаться к ним вернуться. Они готовы, соперничая с Западом на всех возможных направлениях, откликаться на любые предложения правящих режимов БСВ о военно-техническом сотрудничестве, экономической помощи, строительстве или аренде в регионе опорных баз.

Парадоксальным образом лоббисты такого подхода совпадают в видении российской ближневосточной политики со своими злейшими идеологическими противниками, полагающими Россию прямой наследницей СССР в качестве «империи зла», что с успехом эксплуатировалось администрацией Барака Обамы, начиная с украинского кризиса 2014 года. Проблема в том, что автоматическое присвоение исламскому миру статуса союзника России в противостоянии с Западом, характерное для конца «нулевых», столь же далеко от политической реальности, как и слепое следование в фарватере западной политики, свойственное первой половине 90-х.

Впрочем, политическое противостояние в ООН России и Китая группе стран, которые стали организаторами революций на БСВ, по сирийской проблеме открыло новую страницу «Большой игры». Создание западного блока, пытающегося изолировать и ослабить Россию, приняв в отношении её политические и экономические санкции, столкнулось с политикой формирования «мира без Запада». Ибо действие всегда рождает противодействие – что в природе, что в политике, что в семейной жизни.

БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС и другие альянсы такого рода, участие в которых принимает Россия, нацелены не на конфронтацию с «атлантистами», возглавляемыми США, а на создание структур, на которые не могут влиять Вашингтон и Брюссель. И, судя по динамике, которую можно наблюдать на 2016 год, это может удаться. По крайней мере в Сирии ВКС России это с успехом доказали.

Информация к размышлению О пользе ЦРУ

Приведённая ниже таблица позволит читателю сравнить некоторые показатели России и стран Ближнего и Среднего Востока. В её основу легли статистические данные, приведенные в Мировой книге фактов ЦРУ («CIA. The World Factbook»), – самые свежие сведения, доступные на момент написания книги.

По понятным политическим причинам в населении России жители Крыма не учтены, что несколько меняет статистику – непринципиально. По крайней мере автор полагает, что сам факт присутствия их в качестве граждан его страны достаточен для того, чтобы не обращать внимания на сбой в американской статистике. Желаящие могут прибавить крымчан и произвести соответствующий пересчёт. Впрочем, статистика по целому ряду стран БСВ также хромает – регион не отличается скрупулёзным отношением к цифрам.

Источники, из которых составители ежегодника ЦРУ черпают информацию, – не разведанные (к сожалению автора), но отчёты ООН и других международных организаций, что позволяет надеяться на снисходительное отношение к приведённым сведениям даже той немалой категории читателей, для которой само название ЦРУ равнозначно поминанию дьявола всуе. Увы, отечественных источников такого рода пока нет, хотя автор надеется когда-либо их увидеть и, не исключено, воспользоваться.

Впрочем, если от таблицы будет слишком сильно пахнуть серой, в качестве оберега можно положить рядом портрет бывшего председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова, одного из самых профессиональных руководителей отечественных спецслужб за всю их историю. Либо фотопортрет Евгения Максимовича Примакова, сохранившего в период распада СССР и советской государственности российскую внешнюю разведку.

Страны БСВ и Россия ранжированы в таблице по такому показателю, как валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности (ВВП по ППС). Численность населения, продолжительность жизни и рождаемость (по второму показателю Россия находится среди аутсайдеров, опережая только страны с крайне низким уровнем жизни, а по третьему занимает последнее место в группе) позволяют представить себе текущее положение страны и её перспективы с точки зрения демографии.

Величины экспорта и импорта позволяют определить вес страны в мировой системе распределения труда. Число мобильных телефонов и пользователей Интернета – вовлечённость в мировое информационное пространство.

Последние показатели важны для определения потенциала модернизации и для того, чтобы понять, насколько быстро население может самоорганизоваться в случае чрезвычайных ситуаций, придя на помощь власти – или, напротив, её свергнуть (как и происходило на БСВ в период «Арабской весны»).

Автор внёс в настоящее издание необходимые коррективы – в первом были представлены цифры за 2011 год. Население описываемых стран за этот период выросло. Рождаемость снизилась. Число пользователей мобильной связи, напротив, возросло. А экономические показатели изменялись разнонаправленно.

На всё это безобразие повлиял мировой экономический кризис, специфические особенности хозяйственной политики и структуры экономики каждого из представленных в таблице государств, ряд которых за время, прошедшее с предыдущего издания, пережил значительные потрясения.

В некоторых из них шла гражданская война. Другие распались или находились в процессе распада, хотя формально продолжали существовать в тех же границах – о чём подробнее ниже. Но статистика есть статистика. Она в любом случае умирает последней...

Страна	Население млн чел. (всего/ мигранты)	Продолж. жизни лет	Рожд-сть детей на женщину	ВВП по ППС на чел. тыс., \$ по МВФ	Экспорт млрд \$	Импорт млрд \$	Моб. тел. млн	Число польз-лей Интернет, млн
Катар	2,48/ 1,9	78,76	2,01	127660	64,69	33,76	2,6	1,19
Кувейт	4,31/ 2,85	74,7	2,07	71887	43,84	28,32	5,53	0,97
ОАЭ	9,58/ 8,14	77,54	1,77	67871	404,7	246,9	17,13	8,35
Саудовская Аравия	32,67/ 9,80	74,49	2,71	55158	205,3	157,7	46	21,96
Бахрейн	1,43/ 0,73	76,82	2,04	50704	12,09	14,28	2,13	0,42
Оман	5,34/ 0,82	77,32	2,71	46698	30,39	25,78	5,28	3,33
Израиль	8,27/ 0,15	82,05	3,09	35179	51,61	57,9	9,7	6,36
Россия	146,80/ +9— 12,00	70,91	1,75	26490	259,3	165,1	256,12	105,31
Турция	81,56/ 2,91	75,43	2,05	24912	150,1	197,8	72,2	42,28
Ливан	6,64/ 1,65	79,63	1,72	18525	3,11	17,98	4,00	1,28
Иран	81,25/ 1,4	75,59	1,68	18077	87,52	62,12	96,17	39,15
Ирак	38,99	69,59	4,52	17944	44,67	43,27	26,76	6,27
Алжир	41,29/ 0,1	75,04	2,8	15026	26,91	44,6	33	15,15
Иордания	8,11/ 2,76	74,2	3,37	12278	7,12	17,86	6,01	4,06
Египет	95,76/ 0,23	71,32	3,31	12554	14,73	50,07	93,67	32,85
Тунис	11,52	74,98	2,13	11634	12,88	17,75	12,84	5,46
Ливия	6,28/ 0,77	71,83	2,43	8678	17,49	9,55	9,59	0,9
Марокко	35,38	74,29	2,49	8330	18,72	33,15	44,45	19,62
Пакистан	197,36/ 3,00	66,38	3,55	5106	20,96	38,25	133,28	34
Сирия	17,54/ 0,53	70,09	2,9	5100	2,3	5,97	12,93	5,55
Палестина (ПНА — Газа)	4,94 2,80—2,14	75,91—74,87	3,94	4900	1,37	5,68	3,04	2,68
Судан	42,06/ 0,36		2,76—4,08	4447	3,7	9,35	27,66	4,20
Мавритания	4,28/ 0,08	63,2	4,54	4328	1,21	1,64	4,02	0,1
Джибути	0,93/ 0,01	62,29	2,39	3370	0,15	0,99	0,21	0,05
Западная Сахара	0,6	62,64	4,00	2 500	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Иемен	28,31/ 0,25	65,18	4,04	2375	0,12	3,62	13,90	6,73
Афганистан	34,64/ 0,24	60,72	4,65	1919	0,69	7	18,00	1,16
Эритрея	5,47	64,1	4,21	1410	0,49	1,02	0,30	0,31
Сомали	11,32	55,69	6,36	600	0,52	1,26	0,66	0,11

Глава 2

Монархии и монархи

Монархии до XX века были единственной на Ближнем и Среднем Востоке формой правления, и до сих пор ряд стран региона управляются наследственными династиями. Так, с 1664 года до настоящего времени власть в Марокко сохранили Алаутиты.

Правящие современной Иорданией Хашимиты – эмиры Мекки с 966 года, Трансиордании с 1921-го и короли Иордании с 1946 года, фактически создали эту страну с нуля по соглашению с Великобританией.

То же самое сделали их кровные враги, Саудида, основавшие Саудовскую Аравию, сколотив её военным путём из различных территорий, наследственные династии которых они изгоняли (как Хашимитов), подчиняли или уничтожали (как Рашидидов в Эр-Рияде).

Попутно, в процессе завоевания вошедших в её состав земель, из эмиров захолустной ваххабитской Дарии, расположенной в центральноаравийском Неджде, которой они управляли с 1720 года, они в 1932 году превратились в королей. «Приращивание» титула параллельно с контролируемыми владениями в арабском мире является общим правилом.

Основатель династии Аль Бу Саидов в южноаравийском Султанате Оман стал имамом и султаном в 1749 году. Его потомок правит Оманом до настоящего времени.

Эмиры ас-Сабахи управляет Кувейтом с 1756 года.

Семья Аль-Тани стоит во главе Эмирата Катар с 1850-го.

Род Аль-Халифа с 1783-го – хакиды, с 1971-го – эмиры, а с 2002 года – короли Бахрейна.

Ан-Нахайяны являются шейхами Абу-Даби с 1761 года, а Аль-Мактумы – Дубая с 1833-го.

На других землях, входящих в состав Объединённых Арабских Эмиратов, Шарджей (с 1727 года) и отделившимся от нее в XIX веке Рас-Аль-Хеймой управляет династия Аль Касими.

Эмиратом Аджман – род Аль Нуэйми.

Фуджейрой с 1876 года – семья Аль Шарки.

Умм-Аль-Кувейном с 1775-го – династия Аль Муалла.

Разумеется, в отличие от Абу-Даби и Дубая, влияние последних пяти эмиратов на состояние дел в арабском и исламском мире сопоставимо с тем, которое в Европе имеют Сан-Марино или Андорра.

Даже в авторитарных республиках региона, контролируемых военными, есть много кланов, более влиятельных, чем «малая пятёрка» ОАЭ. Однако малые эмираты, войдя в состав единого государства, созданного Нахайянами и Мактумами, обеспечили своим династиям легитимность с точки зрения международного права, которой лишены не столь предусмотрительные феодальные роды Ближнего и Среднего Востока.

Консервативные монархии Аравийского полуострова – жёстко ортодоксальная Саудовская Аравия и ваххабитский, но сравнительно либеральный в отношениях с внешним миром Катар – соседствуют с умеренными суннитскими режимами Кувейта, Бахрейна и ОАЭ, ибадитским Оманом и современной Иорданией с ее бурной парламентской жизнью.

Особняком стоит североафриканское Королевство Марокко с его давними традициями политической и профсоюзной деятельности, контролем властей над оппозицией и инициированной королём конституцией – постепенно модернизирующийся умеренно-консервативный режим.

Стабильность правящих элит во всех этих странах во многом осуществляется за счёт экспорта радикальных идей и их приверженцев, осуществляющих джихад за пределами их собственной территории. Именно монархии Залива стояли у истоков радикализации политического ислама в суннитском мире в годы борьбы с советскими войсками в Афганистане, создав «Аль-Каиду» из воевавших против «шурави» добровольцев – «афганских арабов».

Да и современные Марокко и Иордания – территория вербовки «пехоты» исламистов. Причём марокканцы действуют преимущественно в Западной Европе, Сирии и Ираке, а такими иорданскими радикалами, как Хаттаб, приходилось в своё время заниматься и России.

Повестка дня монархий Залива сегодня включает противостояние экспансии шиитского Ирана, борьбу с проявлениями всего секулярного в политической и общественной жизни на собственной территории и светскими авторитарными режимами арабского мира. Хотя в последнем случае не без исключений: Саудовская Аравия поддержала свержение президента Египта Хосни Мубарака наряду с Катаром.

Однако, после того как плодами «Арабской весны» удалось воспользоваться одной только Дохе, соперничающий с ней Эр-Рияд заключил союз с египетскими военными, свергнувшими представлявшего «Братьев-мусульман» президента Мохаммеда Мурси. Как следствие, салафитское королевство смогло найти опору в египетской армии, ставшей гарантом его безопасности на иракской границе, которая в любой момент могла быть прорвана боевиками прокатарского «Исламского государства».

При этом «заливники» в скрытой форме поддерживают борьбу радикальных исламистов против властей в проблемных регионах неисламских стран с большими мусульманскими общинами, включая индийский Кашмир, китайский Восточный Туркестан и российский Северный Кавказ, несмотря на то что сами периодически оказываются целью их атак. Так, члены «заблудшей секты», как в Саудовской Аравии называют боевиков «Аль-Каиды», пытающихся свергнуть династию, и «Исламское государство» для Эр-Рияда ничуть не менее опасны, чем для Дамаска и Багдада.

К слову говоря, монархии Залива справедливо обвиняются в поддержке исламских радикалов за пределами Ближнего Востока, в том числе в западном мире – США, Канаде, Европе, Латинской Америке, а также в странах Юго-Восточной Азии. Именно их финансовая помощь служит основой джихада в Сирии, Ираке и Афганистане, распространения радикального суннитского ислама в Сомали, Судане, Йемене и странах Сахеля.

При этом главную роль в финансировании таких группировок, как салафитские структуры «Аль-Каиды» (включая сирийскую «Джабхат ан-Нусру»), играет Саудовская Аравия, а соперничающий с ней Катар стоит как за «Исламским государством», так и за «Братьями-мусульманами».

Сотрудничество с исламскими монархиями позволяет приостановить поддержку ими исламистов на той или иной территории на некоторое время, как это практикуют Вашингтон, Париж и Лондон, политики и государственные деятели которых поддерживают прочные личные отношения с династиями стран Залива. Но до конца эта деятельность не прекращается никогда и при необходимости легко может быть запущена вновь. Что и демонстрирует история исламистского терроризма в странах Европы.

Как видно из всего вышесказанного, на БСВ монархии сохранились только в арабском мире. Причём, за исключением Марокко, все они сосредоточены на Аравийском полуострове и в примыкающей к нему Иордании. Однако это отнюдь не означает, что традицион-

ная аристократия потеряла власть в других частях региона. Скорее наоборот. Тем более что рассыпающаяся в ходе «Арабской весны» система государственного устройства БСВ дала сильный толчок реанимации системы традиционных связей.

Шейхи племён, главы религиозных орденов, землевладельцы из старых феодальных родов пользуются широчайшими полномочиями на территориях, которые контролировали и зачастую продолжают контролировать их семьи или религиозные последователи. Влияние Ага-хана на исмаилитов, Джумблатов и Арсланов на ливанских друзов, шейха Фадлаллы на ливанских шиитов, ас-Садров и ас-Систани на шиитов Ирака, кланов Барзани и Талабани на иракских курдов – лишь несколько примеров этого.

Происхождение до сих пор играет огромную роль на БСВ, как и во многих других регионах мира, включая те, где сословное деление формально упразднено. Потомки «старых семей» часто ведут активную политическую деятельность в парламентах, занимают посты министров и губернаторов, президентов и премьер-министров, конкурируя с пробивающимися во власть выходцами из армейской верхушки и разведывательных служб, партийными аппаратчиками и лидерами радикальных исламистских группировок. История жизни и смерти Зульф리카ра и Беназир Бхутто в Пакистане – яркий пример этого.

При этом ближневосточные монархии вынуждены лавировать между автократическими традициями и давлением изнутри и извне, ограничивая полномочия правителя в пользу той или иной формы парламента или консультативной шуры с более или менее широкими полномочиями.

В то же время парламентаризм в пределах этих стран, как правило, не выходит за пределы рамок, очерченных монархом. Когда оппозиция переходит поставленные ей границы, её подавляют силой – при помощи собственной армии (как с исламистами и палестинцами в Иордании) или армий соседних монархий (как с шиитами на Бахрейне).

Традиционно глава династии или кто-либо из его ближайших родственников является главнокомандующим вооружёнными силами страны или национальной гвардией (в Саудовской Аравии), состоящей из элитных подразделений – опоры режима на случай попытки военного переворота. Так, в Иордании король Хусейн являлся фактическим главой созданных им военно-воздушных сил и лично принимал участие в боевых действиях и подавлении мятежей, а его сын, будущий король Абдалла II, командовал десантными войсками.

Не менее существенным является контроль над спецслужбами – мухабаратами, который также осуществляется в большинстве случаев членами правящей семьи. Наиболее известен в этом качестве саудовский принц Турки аль-Фейсал, сын правившего Саудовской Аравией до того, как он был убит, короля-реформатора Фейсала. Как глава Управления общей разведки королевства он прославился созданием в 80-е годы «Аль-Каиды». Его шурин, принц Бандар бин-Султан, в 2000-е смог спровоцировать вторжение США в Ирак, поддерживал террористическую активность в России и стоял за развязыванием в Сирии гражданской войны.

Опорой марокканской и иорданской монархий в народных массах их стран является происхождение правящих династий, восходящее к потомкам пророка. Оно освящает власть правителей с точки зрения ортодоксального ислама и традиционного общества.

Прочие арабские монархии (за исключением султана Омана) не могут похвастаться такой древностью происхождения. При этом все короли, эмиры и шейхи арабского мира опираются на те или иные кланы или племена – свои собственные, родственные или союзные, ограничивая в правах, а при необходимости и подавляя прочее население страны.

В Иордании опорой трона служат черкесы и чеченцы – потомки военных поселенцев Османской империи, а также «классово близкие» Хашимитам бедуины, держащие под контролем составляющих большинство населения палестинцев.

В Марокко – берберы, к которым относится королевская семья, успешно эксплуатирующая всё более популярный в современном арабском мире тезис о правах потомков доарабского населения региона «на первородство».

В Саудовской Аравии династия опирается на салафитские кланы Неджда, выступающие единым фронтом против населения Хиджаза, шиитов Восточной провинции, зейдитов Ассира, исмаилитов Наджрана и других жителей завоёванных основателем династии Абд аль-Азизом ибн-Саудом провинций.

В Катаре – те же салафиты, возводящие своё происхождение к потомкам ибн-Ваххаба, выступают против местных шиитов. В Омане – племена севера и белуджская гвардия против южан Дофара. В Кувейте – оседлое местное население против пришлых бедуинов – «бидунов». Еtc. Что в переводе с латыни для современного читателя, не обязанного, в силу отсутствия у него классического образования, знать этот язык, обозначает «и так далее».

В монархиях строго действует правило социальной пирамиды, характерное, впрочем, и для других стран региона. Наверху – правящая элита и её «группы силовой поддержки», в том числе наёмники-иностранцы. Ниже – собственно арабское население, разделённое по происхождению и роду занятий. Ещё ниже – работающие на территории данной страны арабы-иностранцы (на Аравийском полуострове – египтяне, палестинцы, ливанцы или, в Саудовской Аравии, – йеменцы) и, наконец, в самом низу – иностранные рабочие.

Разумеется, существуют исключения из правил и исключения из исключений. Статус выходца из состоятельной торговой семьи, постоянно живущей в том или ином государстве Залива несколько десятилетий (или столетий), работающего там западного финансиста, военного или чиновника и тем более ветерана местной армии выше, чем статус учителя или инженера из арабской страны, не говоря уже о временных рабочих из Южной и Юго-Восточной Азии (не говоря уже об Африке). Пример – карьера бывшего ливанского премьер-министра Рафика Харири в Саудовской Аравии.

Такого рода привилегированный статус могли в разное время получить ливанцы в Саудовской Аравии (КСА), персы в ОАЭ и Катаре, палестинцы в Кувейте, выходцы из Индии или Пакистана в Омане и все прочие группы такого рода – до наступления очередного военно-политического кризиса, в рамках которого с территории любой страны региона могла и по сей день может быть изгнана любая община. Поскольку гарантий неприкосновенности на БСВ нет никаких ни у кого. Такой уж регион.

Именно это произошло с палестинцами в странах Залива и выходцами из Йемена в Саудовской Аравии после того, как ООП и Йемен поддержали аннексию Кувейта войсками иракского диктатора Саддама Хусейна. С персами и ливанскими шиитами на Бахрейне в разгар «Арабской весны». С сирийскими рабочими, вынужденными покинуть Ливан по завершении его оккупации войсками Асада. И так далее, и тому подобное. Поскольку какие бы то ни было сантименты описываемому региону полностью чужды.

Из других характерных деталей отметим, что стратегический союз с США, Великобританией и Францией обеспечивает безопасность арабских монархий перед растущей угрозой со стороны антиправительственных радикальных группировок – когда-то марксистских, а теперь преимущественно исламистского толка, а также сильных и агрессивных соседей. Таким соседом для Марокко является Алжир, а для монархий Машрика, восточной части арабского мира, в недавнем прошлом Ирак, а в настоящее время – Иран.

В то же время именно присутствие западных войск на территории «священной земли ислама» – «Острова Арабов» (как традиционно именуется в арабском мире Аравийский полуостров) послужило для «Аль-Каиды» и родственных ей группировок поводом для разворачивания вооружённой борьбы с «сионистами и крестоносцами», поворотный момент в которой обозначил теракт «9/11» и война на уничтожение с правящими режимами полуострова, по мнению исламистов, «впавшими в неверие – джахилийю», после того как они пригласили западную коалицию освободить оккупированный саддамовским Ираком Кувейт.

С другой стороны, западные страны в настоящее время, в отличие от XX века, воздерживаются от подавления антимонархических выступлений или сепаратистских волнений на арабской земле. Для этого монархические режимы используют собственные силы или экспедиционные корпуса соседних арабских стран, как в Саудовской Аравии и на Бахрейне в 2011 году.

Отмечено также формирование в странах Залива (в первую очередь в ОАЭ) наёмных профессиональных армий, состоящих из ветеранов западных частных военных компаний, которые в случае возникновения опасности для правящих режимов способны их защитить, невзирая на цену, которую придётся заплатить за это местному населению.

Впрочем, не менее эффективным, причём ненасильственным инструментом подавления протестных выступлений являются финансовые дотации. В виде прямых выплат, льгот или отмены налогов они были широко использованы в разгар «Арабской весны» всеми монархиями Аравийского полуострова.

В то же время стеснённое финансовое положение Иордании и Марокко заставило их пойти на предоставление населению ограниченных политических свобод в соответствии с требованиями умеренной части протестующих. Тоже логичный, хотя и потенциально опасный для будущего монархий путь.

Общей проблемой правящих монархических режимов арабского мира является коммерциализация власти и коррумпированность государственного аппарата на фоне роста образовательного уровня населения и его доступа к информационным ресурсам. «Доброе старое время» закончилось практически по всему региону. Что неизбежно по объективным причинам, поскольку низкая грамотность подданных не позволяет реформировать экономику, а высокая (или умеренно высокая) в отсутствие «социальных лифтов» открывает путь недовольству амбициозной образованной молодёжи.

Сакральный характер монарха, как носителя «власти от Б-га» и «отца народа», который поддерживался ушедшим поколением ближневосточных владык, не выдержал столкновения с реальностью у их сегодняшних потомков. Активное участие в бизнес-проектах, в том числе весьма сомнительных, высокопоставленных членов монарших семей (жён, дядьёв и других близких родственников), а иногда и самих первых лиц или их доверенных придворных, не слишком скрывающих, от чьего имени они действуют, подрывает доверие населения к институту монархии. Итог, как и в Европе прошлых столетий, один – революция. На худой конец бунт.

Потеря роли нейтрального арбитра, стоящего «над схваткой», означает легитимацию свержения лидера государства, не являющегося более фигурой, балансирующей между влиятельными группами в интересах государства в целом. Монарх, перестающий олицетворять страну и начинающий ассоциироваться с каким-либо одним кланом, – это «хромая утка». Со всеми вытекающими из этого факта для него и его рода печальными последствиями, вплоть

до необратимо фатальных. Убили же в Ираке в 1958 году короля Фейсала II, представлявшего Дом Хашимитов, – и происхождение его не спасло...

Отметим справедливости ради, что та же самая проблема характерна для авторитарных светских режимов региона, в том числе «республиканских монархий». В некоторых из стран, где эта форма правления распространена, в том числе за пределами, собственно, Ближнего и Среднего Востока, воспроизведён не только монархический механизм передачи власти по наследству (Асады в Сирии, Бхутто-Зардари в Пакистане, Алиевы в Азербайджане, Ганди-Неру в Индии), но и типичные для ближневосточных династий методы управления.

Впрочем, сегодняшние монархи Ближнего и Среднего Востока, вопреки всем их усилиям, могут оказаться представителями отживающей традиции. Хотя не исключено, что некоторые из них смогут провести эволюцию государственного устройства своих стран, сохранив за династиями, которые представляют, пускай не абсолютную, но существенную власть. Однако пока что значительное число аристократических родов и династий БСВ власть в своих странах в XX веке потеряли. В итоге чего Тунис и Ливия, Египет и Ирак, Сирия и Турция, Иран и Афганистан более не являются монархиями.

При этом некоторые династии, потерявшие власть, отличались завидной древностью корней. Тунисом беи из династии Хусейнидов правили с 1705 по 1957 год. Ливия, управляемая в 1711–1835 годах династией Караманли, которую сместили турецкие власти, потеряв страну в XX столетии в пользу Италии, в конечном счёте оказалась под контролем эмира Киренаики из рода ас-Сенуси, Идриса I, внука основателя религиозного ордена сенуситов, правившего в качестве короля с 1951 по 1969 год.

В Египте свержение военными в 1952-м короля Фарука I подвело черту под правлением потомков Мухаммеда Али, хедива Египта с 1805 года. В Северном Йемене Хамидаддины – короли и имамы зейдитов – правили Мутаваккилийским Королевством с 1948 по 1962 год, когда в результате военного переворота был свергнут вставший во главе династии Сейф-уль-Ислам Мухаммад аль-Бадр. Об этом сегодня и вспоминают хоуситы – зейдитские племена севера Йемена, захватившие на короткий период большую часть страны, с которыми без особого успеха сражается «Аравийская коалиция».

Попытка Великобритании отдать Сирию и Ирак под власть эмиров Мекки и халифов Хиджаза Хашимитов, которым Лондон покровительствовал, оттеснённым на север в ходе проигранной ими войны Саудидами, позволила тем удержать под контролем Сирию лишь на один (!) 1920 год. В соседнем Ираке эта династия правила с 1920 по 1958 год, когда был свергнут и убит король Фейсал II.

Османские султаны правили Турцией – Великим Османским государством, или Высокой Портой, более 400 лет: с 1299 по 1922 год, до отречения Мехмеда VI (в 1923 году завершение истории турецкой монархии было официально оформлено республиканскими властями). И, надо отдать им должное, на протяжении этого периода завоевали не только весь Ближний Восток, кроме соседней Персии, но и огромные территории на Балканах и в Восточной Европе.

В Иране династия Пехлеви находилась у власти в 1925–1979 годах, когда исламская революция покончила с властью шаха Мохаммеда Резы. В Афганистане власть династии Баракзай, с перерывами правившей страной с 1823 года, пресеклась в 1973-м, после свержения последнего афганского короля – Мухаммеда Захир-Шаха. Показательная тенденция развития, при том что последующие поколения во многих из этих стран зачастую вспоминали времена монархии с изрядной ностальгией...

Информация к размышлению Магриб

Исламская Республика Мавритания в настоящее время играет роль главного плацдарма Ирана в Западной Африке, особенно существенную после конфликта Сенегала, Гамбии и Нигерии с Исламской Республикой Иран (ИРИ) из-за поставок иранского оружия оппозиционным группировкам этих стран. Укрепившись в Мавритании, Иран «отбил» её у Израиля, дипломатические отношения с которым были разорваны Нуакшотом, после чего Тегеран взял на себя строительство объектов, которые возводились в Мавритании Иерусалимом.

Побочным следствием стал разрыв дипломатических отношений с Ираном королевства Марокко под предлогом обострения отношений Ирана и... Бахрейна – задолго до поддержанных ИРИ антиправительственных выступлений бахрейнских шиитов. Сложные исторические отношения Марокко и Мавритании, которую на протяжении длительного времени в королевстве считали несправедливо отторгнутой марокканской провинцией, блокируя её прием в Лигу арабских государств, объясняют, почему укрепление позиций Ирана в Мавритании вызвало такую острую реакцию Рабата.

Кроме того, на решении о разрыве дипломатических отношений сказались связи Марокко с Западом, в первую очередь с Францией и США, а также суннитскими монархиями Персидского залива. Хотя остаётся открытым вопрос, зачем Ирану понадобилась одна из самых бедных стран в регионе – Мавритания. Не исключено, что ответом на него является то, что протяжённое пустынное океанское побережье этой страны для Ирана – оптимальная «подскоковая база» на кратчайшем трансатлантическом пути к южноамериканскому континенту.

По этому пути может быть перевезено всё, что угодно, в том числе грузы, имеющие отношение к ядерной программе Ирана, либо запрещённая к ввозу в эту страну санкциями ООН военная техника.

Подписание «ядерной сделки» с Ираном летом 2015 года «шестёркой» государств, которые вели эти переговоры, снизило опасения относительно ядерной угрозы со стороны Ирана Запада (но не Израиля и арабских монархий Залива), однако не сняло вопроса о контроле Ирана над коммуникациями, в том числе обеспечивающими перемещение грузов, которые Тегеран не хотел бы афишировать.

Внутренние районы Мавритании (как и большая часть Сахары и Сахеля) сегодня являются тыловой базой «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» (АКИМ), «Движения за единство и джихад Западной Африки» (ДЗЕДЗА) и других радикальных салафитских структур, в равной мере враждебных шиитскому Ирану и Западу. Возросшая после свержения ливийского лидера Муаммара Каддафи, традиционного врага «Аль-Каиды» и родственных ей структур, активность этих групп привела к их превращению в крупнейшую военную силу региона после получения с разграбленных ливийских военных складов тяжёлого вооружения и боеприпасов, включая переносные ракетные зенитные (ПЗРК) и противотанковые (ПТРК) комплексы общим числом свыше 10 тысяч единиц.

Последнее вызвало военные действия против исламистов мавританской армии, поддержанной странами НАТО, в первую очередь Францией и США. Отметим, что на проведение операций такого рода, направленных против его противников, в число которых суннитские радикалы входят по определению, Иран закрывает глаза. В то же время Алжир, с его собственным опытом борьбы с исламистами, как правило, выражает протест против присутствия западных военных в регионе, полагая это «проявлениями неокOLONиализма».

В то же время успешные операции против исламистских радикалов исключительно местными силами невозможны, так как уровень вооружения, находящегося под их контролем, превышает потенциал большинства африканских армий, включая вооружённые силы таких государств Сахеля, как Нигер, Мали и Чад. Военные действия в Мали, где сепаратисты-туареги, борющиеся за отделение от этой страны Азавада, и исламисты, демонстративно уничтожившие после захвата Тимбукту памятники исламской архитектуры, архивы и библиотеки мирового значения, так и не были побеждены правительственными войсками, продемонстрировали это.

Одна из беднейших стран арабского мира, Мавритания не вошла в полосу волнений, получивших название «Арабской весны», и внутренняя обстановка в этой стране по сравнению с Ливией, Ираком или Сирией сравнительно стабильна. Военный переворот, в результате которого бывший начальник генштаба и командующий гвардией генерал ульд Азиз сверг правившего страной с 1984 года полковника ульд Тайю, незадолго до этого отправившего его в отставку, прошёл в 2008 году, став для местной элиты клапаном для «выпуска пара». Последующие события ещё раз подтвердили доминирующую роль военных в управлении страной.

В то же время сохраняется высокая вероятность конфликтов между основным населением Мавритании – маврами и живущими в низовьях правобережья реки Сенегал африканскими племенами тукулер, сонинке и волоф, а также «белыми» и «чёрными» маврами, отношения между которыми сохраняют черты патриархального рабства.

Впрочем, проблема рабов (или бывших рабов) чрезвычайно остра во многих странах арабского мира. В большинстве из них институт рабства в скрытом виде существовал при колониальной администрации, в бывших турецких провинциях открыто действовал до 20-х годов XX века, когда турок в Леванте сменили англичане и французы, а на Аравийском полуострове формально был отменён только в 60-х годах того же столетия. Как бы то ни было, хотя на территории Мавритании рабство запрещено законом, рабами там, вопреки оптимистическим данным ООН, являются сотни тысяч человек.

С экономической точки зрения Мавритания – это богатые рыбой прибрежные воды, месторождения железной руды и экспорт скота. На территории страны высок потенциал геологоразведки (в том числе в сфере разведки месторождений урана, нефти и фосфатов), однако неразвитая инфраструктура снижает её инвестиционную привлекательность до крайне низкого уровня. Французский бизнес работает там с колониальных времен, китайский достаточно активен, но для российской экономики Мавритания, за исключением лова рыбы на океаническом шельфе, малоперспективна.

Королевство Марокко, во главе которого с 1999 года стоит Мохаммед VI, – наиболее устойчивый режим Магриба, который в случае возникновения на территории страны волнений, угрожающих его стабильности, может рассчитывать на масштабную экономическую и военную поддержку стран Евросоюза и Соединённых Штатов. С 2004 года эта страна имеет статус «главного союзника США, не входящего в НАТО» – более символический, чем реальный, но позволяющий ей «разжиться» многими ценными приобретениями в арсеналах Пентагона.

Вероятность «твиттерной революции» по тунисскому или египетскому образцу в Марокко в ходе «Арабской весны» была резко снижена после объявления королём о принятии конституции, которая придала статус государственного берберскому языку, разрешив главную для Магриба проблему арабо-берберского противостояния (особенно острую в соседнем Алжире) в пользу политического реализма. Помимо прочего, опора на бербе-

ров, составляющих около половины населения, позволила правящему режиму взять под контроль глубинку страны, в которой сильны позиции радикальных исламистов.

Контроль за политическими партиями, жёсткое пресечение спецслужбами деятельности антимонархического движения, лидеры которого живут во Франции, успешное балансирование между основными кланами, влияющими на экономику, лояльность армии и сомнительные итоги «Арабской весны» для населения стран, в которых были смещены верховные правители, являются стабилизирующими правящий в Марокко режим факторами. Проблема Западной Сахары и соперничество с Алжиром – факторами дестабилизирующими.

Единственной реальной угрозой для правящего режима являются исламисты, которые, помимо прочего, используют Марокко как тыловую базу для действий во Франции и Испании. Операции по пресечению их деятельности, которые спецслужбы королевства проводят при поддержке контртеррористических структур Франции и США, дают лишь временный результат: ряды исламистов пополняются выходцами из Алжира и других стран Магриба и Сахеля, а также европейскими радикалами марокканского происхождения, часть которых имеет опыт джихада в Сирии и Ираке в составе «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусра» и других воюющих там исламистских группировок.

Основной «хорошей новостью» в борьбе с ними является то, что исламисты пока не вошли в антимарокканский альянс с западносахарскими марксистами из Фронта ПОЛИСА-РИО, базирующимся на территории Алжира, основная «повестка дня» которых не включает характерную для джихадистов борьбу с «евреями и крестоносцами».

Во всём прочем эта ситуация представляет собой характерный для миротворческих инициатив ООН тупик. Автономия в составе королевства – максимум, который Марокко готово предоставить Западной Сахаре, тем более что подавляющая часть её населения в настоящее время – марокканские поселенцы. Полная независимость – минимум, которого требуют западносахарские повстанцы-«сахрави», происходящие из племён, которые никогда не подчинялись марокканским султанам и не собираются подчиняться марокканским королям.

Территория Марокко является основным транзитным коридором нелегальной эмиграции из Северной Африки на Иберийский полуостров через Гибралтарский пролив и границу испанских эксклавов Сеута и Мелилья, по которому ежегодно в Европу пытаются проникнуть десятки тысяч человек.

«Прорывы» африканских нелегалов в Сеуту и Мелилью, на которые марокканские власти смотрят сквозь пальцы в периоды обострения отношений с Испанией, перемежаются инициативами по «завершению процесса деколонизации», которые до настоящего времени имеют мало шансов на успех. Впрочем, в случае масштабных волнений, угрожающих падением королевского режима, нельзя исключить любое развитие событий.

С экономической точки зрения Марокко – это сельское хозяйство, ёмкий потребительский и туристический рынок, богатый рыбой средиземноморский и атлантический океанический шельф, горнодобывающая промышленность мирового уровня (фосфаты), развитая инфраструктура, алжирско-марокканский трубопровод Хасси-Рмель – Кордова (с ответвлением на Португалию), многочисленные порты и Гибралтарский пролив, являющийся одной из главных мировых судоходных артерий. Перспективны проекты развития на марокканской территории альтернативной (ветровой и солнечной) энергетики, в которые инвестируют значительные средства страны ЕС.

Близость к Европе и насчитывающие десятилетия традиции совместного бизнеса марокканцев с Францией и Испанией, сравнительно высокий профессиональный уровень

местного персонала и опыт сотрудничества с Россией позволяют полагать риски работы в королевстве достаточно низкими для арабского мира.

В то же время теракты против туристов, а также христианских (около 60 тысяч человек, в основном европейцы) и еврейских (около 6 тысяч человек, при том что по несколько сот тысяч марокканских евреев живут во Франции и Израиле) общин стали в Марокко обычной практикой. В случае обострения ситуации в регионе существует высокая вероятность организации с территории королевства терактов в отношении судов, следующих через Гибралтарский пролив или стоящих на рейде в марокканских портах, а также идущего на Иберийский полуостров трубопровода.

Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР) – главная экономика и военная сила Магриба. Несмотря на значительные доходы от экспорта нефти и природного газа (основные партнеры Алжира – США, Канада, страны Евросоюза и Китай), страна остаётся одним из основных источников нелегальной эмиграции в Испанию и Францию, а также тыловой базой радикальных исламистов и контролируемых ими террористических группировок, действующих в Западной Европе. С учётом наличия там многомиллионной алжирской диаспоры последняя проблема для обеспечения безопасности стран Евросоюза чрезвычайно актуальна.

Правящий военный режим удерживает ситуацию под контролем, гася протестные движения в начальной стадии. В случае ослабления правящей военной хунты, конфликта в её руководстве или ухода со своего поста правящего страной с 1999 года президента Абдельазиза Бутефлики высока вероятность возобновления гражданской войны между военно-политической элитой и исламистской оппозицией, унесшей с 1992 года, когда военное руководство не допустило прихода к власти «Исламского фронта спасения», несколько сотен тысяч жизней.

АКИМ (бывшая «Салафитская группа проповеди и джихада») и другие радикальные салафитские организации Сахары и Сахеля имеют в Алжире прочные позиции, проводя успешные теракты в населённых пунктах, включая крупные города, организуя убийства и похищения ради выкупа иностранных специалистов, нападения на военные гарнизоны и полицейские патрули.

После падения ливийского режима Муаммара Каддафи Алжир остался последним светским арабским режимом Магриба, ведущим борьбу с исламистами. На внутривнутриполитической ситуации в этой стране крайне негативно сказывается нестабильность в соседнем Тунисе и странах сахаро-сахельского юга, а также гражданская война в Ливии.

Современная экономика Алжира и его общественно-социальная жизнь – результат смешения местных национальных традиций с французским наследием (эта страна с 1830 по 1961 год входила в состав Франции). Углеводородный бум, засилье военной и партийной бюрократии, послереволюционные эксперименты социалистического толка, правительственный курс на арабизацию берберов и сопротивление берберов этой политике, а также противостояние с исламистами, тлеющее под покровом «курса на национальное примирение», – дополнительные ингредиенты «алжирского коктейля».

Волнения алжирской молодёжи, инициированные событиями в Тунисе и Египте весной 2011 года, были подавлены правительством, однако протестный потенциал Алжира очень велик. Помимо исламистов, его базой являются берберы Кабилии (16 % населения страны по официальной статистике и до трети по неофициальным данным являются берберами), поддерживаемые живущей во Франции берберской диаспорой.

С территории страны салафитские военизированные группировки поддерживают исламистов в Марокко, Ливии, Тунисе, Мали и Нигере. Правительство Алжира, по некоторым данным, оказывало негласную поддержку в борьбе с ними Муаммару Каддафи.

Поддержка Алжиром борцов за освобождение Западной Сахары как существенного фактора дестабилизации на южных границах Марокко, отвлекающего на себя значительную часть марокканской армии, – главный фактор, который поддерживает это движение «на плаву». На территории Алжира расположены военные базы, поселки беженцев-«сахрави» и лагеря военнопленных, в которых более четверти века размещались захваченные ими марокканские военнослужащие, лишь сравнительно недавно освобождённые благодаря международному посредничеству.

Потенциал развития сельского хозяйства Алжира, ослабленный эмиграцией из страны более миллиона французских колонистов и представителей местной элиты после достижения независимости, а также нефтехимической, горнодобывающей и металлургической промышленности и инфраструктуры, в том числе финансового сектора и особенно туризма, слабо используется из-за напряжённой обстановки в сфере безопасности и высокого уровня местной бюрократии. В то же время страна активно привлекает инвестиции и технологии, в том числе из Катара и стран Евросоюза.

Российский госсектор «унаследовал» эту страну от СССР и традиционно считает её серьёзным потенциальным рынком в Северной Африке. Однако в Алжире уровень конкуренции с западными компаниями высок, а европейские стандарты качества отечественными корпорациями, как правило, не выдерживаются.

Итогом активизации России на алжирском рынке вооружений и военной техники в начале 2000-х годов стали не только многомиллиардные контракты на поставку вооружений, но и осложнения в сфере российско-алжирского военно-технического сотрудничества после предъявления руководством Алжира претензий по качеству поставляемой Россией авиатехники и комплектующих.

Для Европы важнейшими инфраструктурными объектами Алжира являются морские порты и ведущие с его территории в страны ЕС газопроводы: «Магриб – Европа», проходящий по территории Марокко, и «Трансмед», идущий на итальянскую Сицилию через Тунис.

Алжир является одной из тех стран, за счёт поставки природного газа с территории которых планируется снизить зависимость Европы от поставок российского газа – и в этом он является прямым конкурентом России. При помощи Катара Алжир значительно продвинулся в производстве и поставках на европейский рынок сжиженного природного газа (СПГ). В то же время, в отличие от Катара, определённая координация с Алжиром на европейском газовом рынке российского Газпрома достижима.

Тунисская Республика, государственный переворот в которой 14 января 2011 года открыл «Арабскую весну», застряла в переходном периоде. Основу «новой элиты» составили представители истеблишмента, значительная часть которых не принадлежала к кланам, входившим в первые эшелоны власти в эпоху правившего страной с 1987 года президента Зин эль-Абидина Бен Али, заочно приговорённого в Тунисе вместе с женой, ливийкой Лейлой Трабелси, к длительным срокам тюремного заключения.

Собственность кланов Бен Али и Трабелси была конфискована и приватизируется по мере достижения договорённостей по этому поводу между членами действующего руководства страны. Большая часть сотрудников полиции и спецслужб осталась без работы. Полиция, в Тунисе более многочисленная, чем армия, на протяжении длительного пери-

ода времени была нейтрализована исламистами, ставшими в первые годы после революции основной силой в политической системе страны.

Протесты населения и подавляемые силой волнения в столице продолжались на протяжении нескольких месяцев после свержения Бен Али. Ситуацию характеризовала распространённая в стране поговорка: «Али-Баба сбежал, а 40 разбойников остались».

Экономическое положение Туниса ухудшилось, инвестиции в страну практически перестали поступать, иностранный туризм был свёрнут, особенно после организованных салафитскими радикалами резонансных терактов 2015 года, направленных против туристического сектора. Уровень жизни в постреволюционном Тунисе упал по сравнению с предшествующим периодом, когда эта страна была одним из самых процветающих государств Магриба.

Основой тунисской экономики на протяжении всего периода независимого развития являлось тесное сотрудничество со странами Евросоюза, в первую очередь с Францией. Деколонизация Туниса была проведена без разрыва отношений с метрополией, и он был самой вестернизированной страной Магриба. Возможно, сравнительно высокий уровень «человеческого капитала» позволит этому государству в перспективе выправить ситуацию с экономикой, однако без достижения политической стабильности это невозможно, в чём отдаёт себе отчёт большая часть тунисских общественных деятелей и лидеров политических партий.

Высокоразвитое сельское хозяйство, туризм, банковская сфера, медицина и система высшего образования, промышленность – в том числе пищевая и винодельческая, транспортная инфраструктура, включая морские порты и газопровод «Трансмед» Алжир – Тунис – Италия, представляют определённый интерес для российского бизнеса, несмотря на высокий уровень конкуренции с европейскими, американскими и китайскими компаниями. Однако до полной стабилизации обстановки на территории страны реализация там экономических проектов, за исключением краткосрочных операций, рассчитанных на разовую прибыль, чрезвычайно рискованна.

Поток тунисских беженцев в Европу через остров Лампедуза после революции составил сотни тысяч человек, усиливая напряжённость на юге Италии и ставя под вопрос её членство в Шенгенской зоне. Соседние с Италией страны Евросоюза и Швейцария перекрыли свои границы для беженцев из Северной Африки и с Ближнего и Среднего Востока, прибывающих на Апеннинский полуостров, оставив Рим один на один с мигрантами. Операции же Евросоюза по предотвращению нелегальной миграции в Европу в бассейне Средиземного моря на 2017 год можно считать полностью проваленными.

Наличие в стране сотен тысяч образованных молодых безработных, ставших питательной средой для организации волнений, результатом которых стало свержение режима Бен Али, создало резервы эмиграции, которые превратили её в постоянный фактор в отношениях Туниса с Европой. Беженцы общим числом до нескольких сотен тысяч человек, прибывшие на территорию Туниса из охваченной гражданской войной Ливии, значительно осложнили обстановку в стране, тем более что собственных ресурсов для их трудоустройства Тунис не имеет.

Внутренние районы Туниса не контролируются властями и свободно используются боевиками АКИМ и других радикальных салафитских группировок. Борьба за власть на первых после свержения авторитарного режима парламентских выборах окончилась победой умеренно-исламистской «Ан-Нахды» Рашида Ганнуши, набравшей около 42 % голосов.

Однако исламисты не смогли закрепить успех: провалы в экономике, активизация радикалов, пытающихся уничтожить наследие светского периода развития Туниса, и коррупция в органах власти привели к тому, что они потеряли монополию на власть.

Политическое будущее Туниса неясно. При всей прочности его светских устоев, заложенных основателем государства Хабибом Бургибой, они неизбежно будут размываться политическим исламом. Попытки организации христианских и еврейских погромов на острове Джерба после свержения Бен Али – свидетельство этого. Ликвидация Каддафи в соседней Ливии только ускорила этот процесс. Однако катастрофические последствия исламистской «демократизации» Ливии, приведшие к фактическому уничтожению государственных институтов на её территории и силовое отстранение армией от власти родственников тунисской «Ан-Нахде» «Братьев-мусульман» в Египте усилило позиции сторонников светского развития Туниса.

Ливия – до сентября 2011 года – Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, или Ливийская Республика, как её назвал Переходный национальный совет, который при поддержке НАТО провёл с территории Киренаики успешную операцию против центральных властей и правившего страной с 1969 года Муаммара Каддафи, после его гибели вступила в вялотекущую, а затем всё более обостряющуюся фазу гражданской войны. Государство как таковое более не существует.

Победившая оппозиция была чрезвычайно неоднородна, что исключило формирование на её базе устойчивого правительства. В неё вошли арабские племена Киренаики – в том числе племя хараби, к которому принадлежал свергнутый в 1969 году король Идрис, часть берберских племён, бывшие члены правительства Каддафи, ливийские эмигранты из Европы и исламисты.

В состав последних вошли приверженцы «Аль-Каиды», создавшие «Исламский эмират» в городе Дерна, «Аль-Каида Магриба» в Феццане и суфии-сенуситы в Бенгази. После победы над сторонниками Каддафи салафиты вступили в прямое столкновение с суфиями и племенными традиционалистами.

На 2015 год ситуация в Ливии могла быть охарактеризована как борьба всех против всех. В стране существовали два парламента и два правительства – в Триполи и Тобруке. В борьбу за власть вступили каддафисты. Берберы у тунисской границы, племена африканцев-тубу и туареги в Сахаре создали неподконтрольные любым властям племенные анклав.

Территориальные бригады, самыми известными из которых являются мисуратская и зинтанская, племена и племенные объединения, военные из бывшей армии Каддафи во главе с генералом Халифой Хафтаром, поддерживаемым Египтом, Саудовской Аравией и ОАЭ против ливийских «Братьев-мусульман» и салафитских группировок, за которыми стоял и стоит Катар, по мере сил и возможностей контролировали нефтепроводы, нефтяные месторождения и портовые терминалы.

В 2015 году прокатарские салафитские боевики объявили о создании в городе Сирт анклава «Исламского государства». В 2016-м позиции ИГ в Ливии усилились до такой степени, что США начали обсуждать перспективы использования против 5 тысяч его боевиков итальянских, британских и французских военнослужащих при поддержке местных союзников.

На территории Ливии скопилось более миллиона потенциальных мигрантов из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока, использующих её в отсутствие какой бы то ни было централизованной власти как коридор для дальнейшего рывка в Европу.

При этом война в Ливии продемонстрировала противоречия в мировом сообществе и неоднородность его интересов. Спровоцировав конфликт НАТО и Ливии и уговорив французского президента Николя Саркози начать военную операцию, Лига арабских государств (ЛАГ) инициировала резолюцию Совета Безопасности ООН, на основании которой действующая против Каддафи коалиция начала бомбёжки страны. Реальной же причиной начала войны с Ливией для ЛАГ была личная неприязнь большинства арабских лидеров к Каддафи и прямая экономическая конкуренция с ним в Африке Катара и Саудовской Аравии.

Для Франции вступление в войну казалось оправданным из-за разногласий с Каддафи по цене истребителей «Рафаль», возможности потери потенциального ливийского рынка атомной энергетики французской корпорацией «Арева» и штрафа, наложенного на нефтедобывающую компанию «Тоталь», а также осложнений в личных и финансовых отношениях Саркози и Каддафи, обещавших громкий коррупционный скандал.

Для поддержавшей ЛАГ Турции – из-за конкуренции с Ливией в Африке и желания Анкары поставить на место Саркози за его противодействие вступлению Турции в ЕС, подчинив операции коалиции блоку НАТО, в котором роль Анкары, в отличие от лоббируемого Парижем «Средиземноморского союза», велика.

Для США решающим аргументом стало желание не допустить превращения Саркози, вернувшего Францию в военную структуру НАТО после десятилетий отсутствия её там со времён исторического решения де Голля вывести Францию из военной структуры НАТО, в лидера военной операции блока. Свою роль, как и для европейских членов альянса, сыграло лоббирование Саудовской Аравии и Катара.

Для Великобритании важным фактором стала критика правительства за соглашение об освобождении в 2009 году приговорённого в 2001 к пожизненному заключению за организацию теракта над шотландским городом Локерби «смертельно больного» ливийца Абдель Бассета Али аль-Меграхи, который немедленно вылечился по прибытии в Ливию... после чего британские нефтяные и газовые компании получили там выгодные контракты.

Китай, Россия, Индия и Германия воздержались при осуждении ливийской ситуации в ООН, заняв в этой ситуации, как казалось их руководству на тот момент, единственную возможную позицию.

Впрочем, иллюзии по поводу неизбежности быстрого свержения Каддафи после ухода со своих постов тунисского и египетского президентов были в рядах его противников настолько велики, что операция против Триполи началась бы даже в случае использования Россией или КНР права вето в Совете Безопасности ООН, как произошло в своё время в отношении Ирака.

В то же время негативные последствия свержения Каддафи оказались настолько явными и необратимыми, что в случае Сирии Москва и Пекин заняли жёсткую консолидированную позицию, призванную не допустить поддержки какой-либо внешней интервенции в этой стране Советом Безопасности ООН.

Однако на момент, о котором идёт речь, казалось, что столкновение возглавляемой президентом Д. А. Медведевым России с Западом, главным рынком сбыта российской нефти и газа, из-за Ливии не приведёт ни к чему, кроме ссоры Москвы с Вашингтоном и Брюсселем (которая через несколько лет всё равно произошла из-за спровоцированного Западом кризиса на Украине) и ослабления ООН – забюрократизированной, затратной и малоуспешной в своих действиях, но единственной международной площадки, где Россия с её правом вето могла хоть в чём-то влиять на ход мировой политики.

Альтернативой соглашению с Западом считалось повторение модели поведения СССР в ходе всех ближневосточных кризисов XX века: отправка вооружений ливийскому режиму

без понимания того, зачем это делается помимо идеологических, ведомственных и личных интересов.

Отличие ливийского сценария «Арабской весны» от египетского и тунисского было в том, что Каддафи продемонстрировал качества революционера и лидера, достойные младшего соратника Насера, Кастро и Манделы.

Отказ от опоры на армию и спецслужбы в пользу иностранных профессионалов и спецподразделений, подчинённых его сыновьям и ближайшим соратникам, оправдал себя, как и ставка на партизанскую войну и рассредоточение по пустыне верных ему частей, переведённых с бронетехники на джипы.

Африканский союз, главой которого Каддафи был до 1 января 2011 года, оказался для него неплохим политическим тылом в первую очередь из-за того, что существование значительного числа режимов, входящих в эту организацию (не менее 20), прямо зависело от финансовой помощи с его стороны.

В конечном счёте ливийская кампания продемонстрировала ослабление НАТО как военного альянса. Ситуация, при которой многомесячные военные действия против ливийского режима быстро исчерпали ресурсы дорогостоящих высокоточных боеприпасов, которыми ведущие войну страны коалиции вынуждена была начать снабжать нейтральная Германия, перевела альянс в глазах африканских и ближневосточных режимов в категорию «хромой утки».

Североатлантический альянс фактически выступил в качестве «ближневосточного жандарма», что не внушает оптимизма, в том числе в отношении ООН, резолюция которой была использована для оправдания прямой агрессии.

Продemonстрированная в Ливии слабость западного военного блока открыла «сезон охоты» на государства, являющиеся членами НАТО, для всех, желающих попробовать блок «на прочность». Нерадостная перспектива, хотя и заманчивая для террористических структур – не только исламистских. Впрочем, уничтожили вскоре после победы над Каддафи посла Соединённых Штатов Америки в Ливии вместе с сотрудниками консульства США в Бенгази именно исламисты – те самые, которым он и его дипломаты помогали в ходе борьбы за власть...

В случае Ливии негативный эффект от вмешательства НАТО во внутренний конфликт в этой стране состоял ещё и в том, что Каддафи, примирившись с мировым сообществом в начале 2000-х годов, вел себя «конвенционально», демонстрируя пример «раскаявшегося диктатора». В частности, он отказался от ливийской атомной программы, попутно способствуя разоблачению пакистанского «заговора Абдул Кадыр Хана» по распространению ядерных материалов, технологий и оборудования, совершенно упущенного из виду МАГАТЭ.

Каддафи предоставил ООН сведения о своём химическом оружии и начал процесс его уничтожения. Причём после того, как он был убит, судьба остатков ливийского химического оружия под вопросом. Сведения о его местонахождении не слишком достоверны, и, судя по аналогичной ситуации в Ираке, оптимистичные западные сводки вполне могут оказаться дезинформацией.

Судя по всему, как минимум часть химических арсеналов Каддафи попала в руки исламистов. Возможно, именно эти вооружения были перехвачены на территории Судана и уничтожены ударом с воздуха, за который не взяла на себя ответственность ни одна страна (что скорее всего говорит об Израиле или США), в ходе транспортировки – предположительно в Газу.

К моменту начала против него военной кампании именно Каддафи вёл борьбу с нелегальной эмиграцией африканцев в Европу через территорию Ливии. Его страна в возрастающих объёмах экспортировала нефть и природный газ в страны Евросоюза. Каддафи допустил иностранные компании к участию в крупных ливийских инфраструктурных проектах и проектах в военно-технической сфере.

Это не отменяло его сотрудничества с Россией, Ираном и Китаем, но Запад в Ливии в последние годы его правления получил изрядный «кусочек пирога», что особенно контрастирует с ситуацией в Ливии после Каддафи, производство нефти в которой упало в разы, инфраструктурные проекты остановились, а уровень опасности для иностранцев зашкаливает.

Не стоит забывать, что лидер ливийской революции к началу ведения против него боевых действий отпустил на свободу болгарских медсестёр и палестинского врача, в своё время заключённых в тюрьму по сфальсифицированному обвинению в умышленном заражении ВИЧ ливийских детей. Хотя его имидж и имидж его страны эта история, мягко говоря, не улучшила.

Он наладил личные отношения с большинством мировых лидеров, среди которых особенно выделялись Николя Саркози, Сильвио Берлускони и экс-глава Госдепартамента Соединённых Штатов Кондолиза Райс. Каддафи боролся с «Аль-Каидой», черпавшей в Ливии пополнения для джихада в Афганистане и Ираке, – из соображений сохранения монополии на власть, но вполне эффективно. Начав успешный диалог с Западом, он остановил финансирование из ливийских источников международного терроризма.

Муаммар Каддафи оставался импульсивным и непредсказуемым тираном, но это никак не отличало его от большинства лидеров Африки и БСВ, при том что в развитие своей собственной страны он вкладывал куда больше, чем все они. Разумеется, исключительно из соображений престижа и в угоду личным амбициям, но мало ли о ком из мировых лидеров можно сказать то же самое?

Несмотря на попытки эмиссаров ООН добиться создания в Ливии единого правительства, её прошлое выглядит намного благополучнее, чем настоящее и будущее, в том числе отдалённое. Причём пример Каддафи показал, что пытаться перестать быть «плохим парнем» в глазах мирового сообщества так же бессмысленно, как стараться быть в его глазах «хорошим парнем», какими были на протяжении десятилетий Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарак в Египте.

Остаётся констатировать, что ливийская экономика в результате гражданской войны и ареста ливийских авуаров в странах Запада, арабского мира и государствах Африки оказалась полностью парализованной. Нефтедобыча и нефтеэкспорт сократились до минимума. Сельское хозяйство и промышленность понесли значительный ущерб. Велика опасность подрыва идущего на Сицилию ливийско-итальянского газопровода «Гринстрим». Большая часть аэропортов и автомобильных дорог разрушена. Это касается и системы водоснабжения. О запланированном Каддафи строительстве на территории Ливии железнодорожной сети, которая могла бы соединить Египет, Тунис и Алжир, можно надолго забыть.

Что до российско-ливийских экономических отношений, российские контракты, в том числе в военно-технической сфере и строительстве железных дорог, заключённые с Ливией в обмен на списание ливийского долга, не выполнены и не будут выполнены. Они принесли России убытки в размере около \$ 4 млрд, половина которых пришлась на ОАО «Российские железные дороги». И хотя некоторые перспективы возвращения Ливии в международ-

ную экономику существуют, перспективы компенсации отечественным корпорациям понесённых там убытков равны нулю.

Глава 3

Республики и президенты

Большая часть государств региона – республики, точнее то, что принято называть республиками на Ближнем и Среднем Востоке. Говоря упрощённо, их можно разделить на три типа. Две вестернизированные страны на западной окраине БСВ – неисламские Израиль и Кипр мало чем отличаются от стран Южной Европы, хотя специфика в их государственном устройстве существует. Причём чем больше в Европе мигрантов из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока, тем меньше она от этих двух государств отличается – разве что в худшую сторону.

Значительной частью описываемого в настоящей книге региона управляли на протяжении десятилетий и управляют по сей день сменяющие одна другую военные хунты, коррумпированные и недолговечные гражданские правительства, авторитарные лидеры, мало что решающие в реальности «правлящие партии», племенная и конфессиональная элита, стоящая во главе парламентских фракций и коалиций, представляющих собой настоящий «террариум единомышленников». Это и есть демократия в её ближневосточном варианте. Впрочем, как правило, то, что именуется этим понятием в Африке, куда хуже.

Особой формой государственного устройства являются исламские республики: Мавритания, Иран, Афганистан и Пакистан. При этом, рассматривая регион извне, следует учитывать, что такие занимающие место на карте геополитические единицы Ближнего и Среднего Востока, как Ирак, Афганистан, Судан, Сомали, Йемен, Ливия, Ливан, Сирия и палестинские территории, находятся в процессе распада, пребывая в состоянии гражданской войны. Полагать их государствами, опираясь на наличие у них представительства в ООН, столицы (или нескольких столиц – бывает и такое) и посольств за рубежом, никто не мешает – больше дипломатов, больше ставок и бюджета у МИДа. Но государствами они де-факто не являются.

Бывший с 1878 по 1960 год британской колонией Кипр, северная часть которого оккупирована Турцией, с 2004 года входит в состав ЕС, и его политическая система соответствует принятым в Евросоюзе стандартам. Специфическими её чертами, восходящими к этноконфессиональному устройству государства, закреплённому в период получения независимости, являются доминирование греческой православной церкви, резервирование мест в парламенте для армян, католиков и маронитов и не используемые с момента раздела острова квоты для турок-киприотов во всех властных структурах Республики Кипр, а также отдельные суды для греков и турок.

Близкие законодательные меры по защите прав и представительству этноконфессиональных меньшинств являются специфической особенностью ряда стран Леванта, главными из которых являются Государство Израиль и Ливан. К слову, руководящие органы образованной в 1983 году Турецкой Республики Северного Кипра формируются на основе выборов, соответствующих стандартам ЕС.

Характерно, что раздел острова был вызван действиями не турецкой, а греческой стороны, с 1963 года провоцировавшей нарушение соглашений о представительстве турецкой общины и организовавшей её экономическую и политическую изоляцию, а в 1974-м попытавшейся после свержения правительства архиепископа Макариоса присоединить Кипр к Греции. Итогом чего, как следовало ожидать с самого начала, стал не «энозис», на который надеялись путчисты, а обрушение общекипрской государственности как таковой.

Ввод турецких войск на Кипр был осуществлён в соответствии с условиями предоставления ему независимости – Турция действовала как гарант безопасности турецкой общины, опираясь на опыт сегрегации этнических турок и тюркских военных колонистов – туркоманов во всех независимых государствах Балкан и арабского Ближнего Востока, являвшихся провинциями Османской Порты. Тем не менее вина за раздел острова возложена мировым сообществом исключительно на Турцию, и проблема прекращения турецкой оккупации является постоянно действующим политическим фактором для греческого Южного Кипра.

На референдуме ООН 2004 года 65 % участвовавших в референдуме турок-киприотов поддержали план объединения острова, выдвинутый генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном, а 75 % греков-киприотов его отвергли. Тем не менее международное давление испытывает на себе исключительно турецкая часть Кипра. Что ещё раз подтверждает: двойные стандарты для мирового сообщества – не исключение, а правило. Проблема Кипра демонстрирует это не менее ярко, чем Югославия, Израиль, Ливия или Сирия.

Израиль, изначально созданный как еврейское демократическое государство, сохранил турецкое и британское законодательство, касающееся общинного судопроизводства. Арабы-мусульмане и христиане, представители других христианских общин, черкесы, друзы, бедуины и самаритяне пользуются равными избирательными правами с евреями, их депутаты представлены в парламенте. При этом арабы-мусульмане освобождены от призыва в армию (хотя некоторые из них проходят военную или альтернативную службу добровольцами). Христиане, бедуины и евреи-ортодоксы Израиля служат в армии на добровольной основе, представители остальных категорий населения – по призыву.

Изначально израильские партии были созданы в Восточной Европе, и особенности их функционирования восходят к восточноевропейской политической практике конца XIX – начала XX века. В Израиле число их пополнилось секторальными партиями, защищающими интересы отдельных общин или групп, сформированных по тому или иному объединяющему эти группы принципу. Это партии восточных традиционалистов и ультра-религиозных ортодоксов европейского происхождения, пенсионеров (!), антиклерикалов, поселенцев, «русских», левого истеблишмента, ультралевых интеллектуалов, etc.

Большое число партий формируется вокруг политических лидеров и исчезает сразу же после их ухода с политической сцены. Многие мелкие партии не проходят электоральный барьер. Характерной чертой израильской демократии является значительное число фракций в парламенте – кнессете, низкий уровень партийной дисциплины, ставшие практикой правительственные кризисы и следующие за ними досрочные парламентские выборы, а также политические скандалы на высшем уровне, включая отставку президентов страны и заключение в тюрьму министров, президентов и премьер-министров.

Постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики Израиля являются его отношения с палестинским населением территорий, взятых израильской армией под контроль после победы в войне 1967 года. Причём, если до определённого момента эти отношения подчинялись нормальной логике государственного строительства Израиля как еврейского демократического государства, с начала 90-х годов они начали строиться в сюрреалистическом формате постсионизма. Жертвой чего в итоге стали не только тысячи израильтян, но и десятки тысяч палестинцев.

Правда, политическая система Израиля практически исключает возможность военных путчей, переворотов, прихода к власти военной хунты или её формирования, характерную для прочих государств региона. Риск политических убийств в этой стране также минимизирован. То, что за весь XX век зафиксирован один прецедент в догосударственный

период (убийство видного деятеля сионистского ишува – еврейской общины Палестины, Хаима Арлозорова) и ещё один – на протяжении истории Государства Израиль (убийство премьер-министра Ицхака Рабина), позволяет уверенно это утверждать.

Период доминирования левых социалистических и коммунистических партий в парламенте и правительстве Израиля продлился с 1948 по 1977 год. На протяжении всего последующего периода развития страны левый лагерь терял позиции в пользу правого. Неустойчивый баланс между крупными партийно-политическими блоками использовали, особенно в период прямых выборов премьер-министра в конце 90-х годов, мелкие партии, поддерживающие ту или иную из крупных фракций при формировании правящей коалиции, в собственных интересах.

Арабские партии, как правило, поддерживали израильский левый лагерь, в случае совпадения их интересов, «снаружи», не входя в правительство. Спецификой момента в израильской политике является то, что парламентская ниша левого лагеря в настоящее время в результате политической борьбы 2000-х и 2010-х годов в значительной мере занята выходцами из правого лагеря, потерпевшими поражение во внутрипартийной борьбе и вытесненными на левый фланг. Пример эволюции созданной Ариэлем Шароном в начале 2000-х годов партии «Кадима» в данном случае более чем показателен.

Собственно, левые партии Израиля постепенно сходят с политической арены и маргинализируются. Этот процесс приобрёл необратимый характер с распадом социалистической системы в начале 90-х годов. Усиление правого лагеря привело к его доминированию в парламенте и последовательному формированию правоцентристских коалиций, столь же последовательно разваливаемых их собственными лидерами из-за внутривластной конкуренции и личных амбиций. В то же время левые круги сохраняют значительное влияние в университетах, прессе и юридической системе еврейского государства, в том числе в прокуратуре и судебном корпусе.

Исключительно высокий уровень политической активности таких институтов, как традиционно левоориентированный Высший суд справедливости – БАГАЦ, и таких чиновников, как юридический советник правительства и государственный контролёр, которые часто принимают решения, парализующие работу правительства и законодательную деятельность парламента, в 1990–2000-е годы вызвал характерные для Израиля дискуссии на тему «Кто контролирует государственного контролёра?». Что показательно с точки зрения объективных недостатков представительной демократии западного типа, в рамках которой решения парламента и правительства могут блокироваться бюрократами, не подконтрольными системе.

Характерно, что, в то время как в арабском мире, в том числе в соседних с Израилем странах, в рамках «Арабской весны» рушились правящие режимы и шли уличные столкновения с армией и полицией, переходящие в гражданские войны, волнений в арабском секторе Израиля и на контролируемых им территориях не происходило.

Организованные левыми партиями протесты имели ограниченный характер, сопровождаясь экономическими требованиями – как происходит и в Европе. Позже «Интифада ножей» 2015 года имела явно заказной характер – как и теракты террористов «Исламского государства» в странах Евросоюза.

Усиление давления на Израиль со стороны ООН и левого международного истеблишмента по вопросам его отношений с палестинцами, при явной неадекватности руководства ПНА, провоцирует усиление еврейского характера государства, хотя уровень демократических прав меньшинств в нём по-прежнему соответствует европейским, а не ближневосточным нормам.

Развязанная против Израиля в этой связи международная кампания по обвинению в расизме имеет мало общего с действительностью. Речь идёт лишь о введении в Израиле стандартных правил защиты государства и его противодействию проявлениям анархии и антигосударственной деятельности израильских граждан.

Перечисленные ниже особенности республиканских режимов исламских стран БСВ заставляют усомниться в известной максиме Уинстона Черчилля по поводу того, что демократия при всех её недостатках – лучшее из известных человечеству государственных устройств. Впрочем, можно списать происходящее в этой части света на «неготовность» исламского мира к демократии, как часто делают его критики, не понимающие той простой истины, что демократия – не более чем способ голосования, но никак не панацея от болезней общества.

Её несомненными плюсами являются механизмы получения и передачи элитой властных полномочий. Первый оставляет электорат в приятном заблуждении по поводу своей значимости – баранов всё равно стригут, а иногда и употребляют на шашлык, но с сохранением у них самоуважения и оптимизма в отношении будущего. Второй позволяет покинуть властные пенаты в заранее установленный срок живым, сохраняя привилегии и перспективу синекюры с возможностью вернуться во властные институты на другой (Ширак, Путин) или, спустя определённое время, тот же самый (Черчилль, Бен-Гурион и опять-таки Путин) пост.

Разумеется, существует риск импичмента, однако и в этом редком случае отрешение носителя высшей власти от полномочий не сопровождается его встречей с гильотиной или расстрельной командой. По крайней мере в развитых странах. На Африку, Ближний Восток, а до недавнего времени и на Азию с Латинской Америкой эти правила игры не распространялись. Ну так на то она и «имитационная» демократия. Впрочем, пока цивилизованная Европа дошла до уровня современной цивилизованности, политиков, глав государств и государственных деятелей там перебили немало...

Демократия, однако, не гарантирует прихода к власти честных, справедливых и порядочных людей. Да и не ставит перед собой такой задачи. Отсутствие социального равенства, кумовство, популизм, некомпетентность чиновников и коррупция – неотъемлемая часть демократии. Всё то, что служит предметом критики в других системах устройства государства и общества, присутствует и в демократических республиках, но в несколько завуалированном виде и, как бы сказать помягче... в более привлекательной упаковке.

Ближневосточная демократия и ближневосточные республики, при всём формальном сходстве их властных институций и наименований с республиками Запада, несут на себе отпечаток именно того общества и именно тех общественных отношений, которые сложились в регионе в результате его исторического развития. В связи с чем республиканские режимы БСВ часто напоминают имитацию того, что называется республикой в современном вестернизированном мире. При этом аборигены своими республиками искренне гордятся, не понимая, какие права человека от них требуют и чего ещё всем этим заполошным «белым людям» от них нужно.

Трайбализм (кто из читателей не в курсе – преимущества для представителей родного рода-племени), правящие на протяжении десятилетий авторитарные лидеры и более или менее кровожадные диктаторы, религиозный фактор – на БСВ в его современном политико-исламистском варианте, притеснения меньшинств и, за редкими исключениями, ограничения в правах женщин – такие же характерные черты местных республик, как соблюдение прав человека и, самое главное, прав меньшинств на Западе.

Работоторговля в её худших формах и геноцид иноверцев – современные (точнее, давно забытые старые) новации, которые в регион принесли сторонники салафитского «Исламского государства», но и без него «прелестей» у местной демократии было более чем достаточно. История политических систем, доминирующих в западном мире, насчитывает два с половиной тысячелетия. В основу их лёг опыт греческих полисов и Римской республики, античная риторика и философия, римское право и законы средневековых варварских королевств, христианская мораль и этика, конкуренция церкви и государства, бюргерское право и аристократические кодексы поведения.

Западную демократию взрастили права цехов и городов, непрерывно действующие на протяжении многих веков парламенты, профсоюзы и религиозные автономии, протестантская этика и секуляризм, феминизм и права сексуальных меньшинств и много что ещё. Равно как религиозные войны, преследования инакомыслящих, погромы меньшинств, две мировые войны, национализм, фашизм и этнические чистки, включая еврейский холокост и геноцид цыган. И – время. Сотни и тысячи лет развития базовых институтов государства.

Демократические же институты на современном Ближнем и Среднем Востоке или пытаются втиснуть местные традиции сдержек и противовесов в прокрустово ложе копируемых чужеродных институтов, или вынуждены игнорировать, ослаблять и уничтожать эти традиции. Иначе им не выжить. Главный вопрос любого государства, демократического или нет, ближневосточного или европейского, – это вопрос о власти. И если демократические институты помогают её сохранить – пусть их. А если нет...

В первом случае теоретически идентичные принятым в современном мире формам государственного устройства структуры стран БСВ представляют собой на деле традиционные общественные институты в новом обличье. Так, политическая партия может представлять собой племя или феодальный клан, во главе которого стоит традиционная аристократическая элита или представитель «благородного сословия». Что, впрочем, существовало и в Европе в прежние времена. В конце концов, кем были гвельфы или гибеллины?

Во втором случае эти институты на какое-то время переходят в подполье, а затем постепенно «прорастают» во власть и часто полностью подчиняют её себе. Именно так поступила правящая исламистская Партия справедливости и развития в Турции. Альтернатива – взрывное изменение характера власти, что и произошло в ходе Исламской революции 1979 года в Иране. После чего начинается новый цикл эволюции государственного устройства – на БСВ, как правило, на основе исламских норм и местных обычаев.

«Арабская весна» оказалась неожиданностью для европейских и американских политиков, политологов и журналистов. Их первоначальная растерянность сменилась рекомендациями лидерам стран, охваченных волнениями, не подавлять протестные выступления силой, не ограничивать свободу доступа к информации, не пресекать «демократизации» правящих режимов, прислушаться к голосу масс и прочими типовыми советами, чрезвычайно полезными для всех к ним причастных, кроме тех, кому они адресованы.

Популистская демократическая риторика западных лидеров, не понимающих, что происходит в регионе, и не способных повлиять на эти события, но искренне уверенных в обратном, была вскоре дополнена действиями. Арест счетов и отказ в приёме свергнутых президентов, прямая военная и финансовая поддержка антиправительственных выступлений в Ливии и косвенная в Сирии резко контрастировали с демонстративным молчанием в отношении подавления интервенционным корпусом монархий Персидского залива шиитских волнений на Бахрейне и чрезвычайно осторожными комментариями в отношении агрессии Саудовской Аравии и её союзников в Йемене.

Беспричинные надежды на то, что главное, чего хотят протестующие в арабских странах, – это установление там демократии западного типа как лучшего из известных государственных устройств, говорят не столько о реальной ситуации в арабском мире, сколько о профессиональном и интеллектуальном уровне западных экспертов. Возможно, сказалась своеобразная «классовая солидарность»: чем более образованно и информировано на БСВ местное население, тем менее оно лояльно правящему режиму. Это общее правило в полной мере сыграло свою роль в рамках «Арабской весны».

Между тем верхушечные перевороты в Тунисе и Египте, в ходе которых правители были свергнуты недовольной ими частью элиты, которая использовала в своих целях протестовавшую против бюрократии и коррупции «твиттерную молодёжь», люмпенизированные слои общества и консервативных мусульман, открыли дорогу к власти исламистам, а не демократам западного типа. Ситуация в Ливии и тем более Сирии также имела мало отношения к демократии. Правящая власть в этих странах может быть жёсткой – или никакой, что и продемонстрировала Ливия после свержения и физического устранения Муаммара Каддафи.

Разумеется, подавление волнений присущими местным режимам методами невозможно без жертв – тем меньших, чем быстрее эти волнения подавляются. Однако падение режимов вызывает неизмеримо большее число жертв и почти неизбежный распад не устоявших перед сочетанием внешнего и внутреннего давления государств, без малейшего шанса на их демократические изменения в том виде, которое в это понятие вкладывает Запад. Классическая формула «Злоупотребления властей вызывают революцию, но последствия революции хуже любых злоупотреблений» сработала на БСВ как медвежий капкан.

Можно лишь пожалеть о том, что ни Афганистан, ни Ирак так и не стали уроками для Вашингтона и Брюсселя. Впрочем, современная политическая элита Запада не извлекает уроков даже из собственной истории. Простое понимание того, что Сократ в Афинах был отравлен по итогам демократического голосования, а Гитлер в Германии пришёл к власти демократическим путём и во всём, что творил, опирался на германский парламент, отсутствует у тех, для кого «право народа свергнуть тирана» является догмой, равноценной Священному Писанию.

Как правило, на современном БСВ те, кто свергает авторитарных лидеров, служат инструментом для прихода к власти диктаторов ничуть не лучших, чем те, кто был ими отрёпшён от власти. Скорее худших. Возможные варианты развития событий после любого государственного переворота в этой части света – приход к власти военной хунты с большим или меньшим влиянием в ней племенной элиты, либо исламская бюрократия. Причём последняя во многом напоминает социалистические авторитарные режимы XX века.

Разница между Коминтерном и «Аль-Каидой», нацистами и партией Баас, большевиками и «Братьями-мусульманами», советским Политбюро и иранским Советом по целесообразности гораздо меньше, чем представляется стороннему наблюдателю на первый взгляд. Тем более что у истоков многих политических партий, идеологических доктрин, парламентов и средств массовой информации исламского мира стояли беженцы из Третьего рейха или советники из СССР, а иногда и те и другие. Что вместе с местными традициями сформировало в регионе гремучую смесь, уцелеть в которой западный либерализм не имел ни малейших шансов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.